

Ирина Ростова

НИЧЕЙНАЯ МАГИЯ

16+

Ирина Ростова
Ничейная магия

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ростова И.

Ничейная магия / И. Ростова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Куда делись эльфы, куда ушла магия, и как вообще так вышло, что волшебный мир перестал быть волшебным? Если ты учишься на историческом факультете единственного на все цивилизованные земли Университета, да еще и пишешь диплом про мифы и легенды, то это очень даже важные вопросы. И ответить на них можно, отправившись в путешествие по намекам старой карты в самой что ни на есть подозрительной компании. Вот только спутники повадились умирать, а вместо ответов находятся только новые вопросы ... и древняя магическая книга, к которой прилагается самый настоящий мертвый маг.

Содержание

О старых картах	5
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Ростова

Ничейная магия

О старых картах

– Мы идиоты, – доверительно сообщил один второму, пока третий с задумчивым интересом разглядывал приподнятый над остальным полом блок. Было ли это результатом землетрясения или иной неприятности, или же тут таилась ловушка, предстояло только понять.

– Невероятное открытие, – сказал второй. – Срочно пиши об этом работу. Ты, кажется, жаловался, что тему для диплома придумать не можешь?

– Не оценят, глядь, размах моей мысли, – посетовал первый и остороженько поинтересовался. – Гронс, ну, там, чего есть-то?

Тот на них даже не посмотрел. Опустившись на корточки, он склонился над плитой, едва не обнюхивая ее, потом встал на одно колено и, достав из-за пояса проволоку, согнул ее закорючкой и засунул под каменную поверхность. Шурудил он там с таким сосредоточенным и скорбным лицом, что не иначе как ближайшего родственника в последний путь снаряжал. Наконец, что-то щелкнуло и плита двинулась вниз, прижимая проволоку и едва не закусывая вместе с ней пальцы Гронса. Тот, довольный собой, даже позволил себе кривоватую усмешку, демонстрирующую практически полное отсутствие зубов.

– Старый трюк, – сказал он, поднимаясь. – Дальше.

– Дальше тоже, глядь, могут быть такие штуки.

– Типун тебе на язык, Тор! Глаза, значит, разуй и смотри во все, которые разуешь.

– Тебе, Виль, только бы командовать, – посетовал первый из кладокопателей и кладоискателей, снова беря наизготовку свое внушительное оружие и делая осторожный шаг вперед. Как самый сильный член отряда, во все подозрительные места он заходил первым и, в общем-то, ничего не имел против.

– Говорят, – игнорируя его показное нытье, сказал его приятель. – У нормальных людей гильдии есть, и там даже страховки какие от профессиональных опасностей если что, дают. Не то, что нам.

– Так мы и взносов не платим, глядь, – отозвался Тор примирительно и осекся, когда Гронс приложил палец к губам, призывая прислушаться.

Оба послушно замолкли, отдавая должное острому слуху своего спутника, но в первый момент удалось разобрать только собственное нервное дыхание.

– Я ничего не сл., – начал было Виль, но Тор схватил его за плечо, предупреждая поднимая палец вверх.

В самом деле, над ними, сверху, откуда они недавно спустились, были слышны даже не шаги – а ощущение шагов, легкое, очень недоброжелательное колебание почвы и старых досок и камней, составляющих подгнивший свод. Ощущалось это не слишком обнадеживающе: в такую глухомань “просто так” могло занести разве что только таких же приключенцев, или еще кого похуже, так что на бесконфликтный исход надеяться не приходилось.

Виль в поисках интерпретации или решения посмотрел на Тора, Тор на Гронса, Гронс на потолок, но на потолке никаких подсказок не было, так что пришлось принимать решение без знаков свыше.

– Дальше, – сказал Гронс. – Вход спрятан.

– Найдут не сразу?

– Не сразу. Успеем до конца.

– Ты прав, с добычей и драпаться будет бодрее, – согласился с опытом их штатного следопыта Виль.

– Глядь, добычу они уже придумали какую-то, – проворчал Тор, но снова напряжинил ноги, поднял меч и продолжил движение по узкому коридору, зорко вглядываясь в стены и потолок в мягком, нежарком свете магического светильника – едва ли не главной (и самой полезной!) их с Вилем добычи за все четырехлетнее время увлечения кладоисканием. – Придумайте лучше второй выход.

– Придумал, – тут же отозвался Виль. – Отважная гибель.

– Не, глядь, это мне нельзя, у меня сессия не сдана, а плачено до конца года. Отец не поймет.

– Воистину, – хмыкнул Виль. – Такого грозного господина лучше не злить, а?

– Глядь! – возмутился Тор. При всем эмоциональном начале, диалог продолжил происходить полупшепотом, едва слышно. – Как будто ты готов вот так вот, за здорово живешь, своего за усы подергать?

– Да во-первых, нету у него усов. А во вторых, ты не сравнивай целого князя Имрейса и, голову на плаху, какого-то там купца! Да еще и с усами.

– Какого-то?.. – разъярился было Тор, и даже начал оборачиваться, но Гронс стукнул его по руке, призывая к порядку следования и отклика на вызовы окружающего мира. Тор, пыхтя, обернулся – и столкнулся лицом к лицу с кем-то незнакомым и бледным. Реакция его была моментальна и жестока: не рассуждая, он взмахнул по внезапному противнику мечом, но лезвие только со свистом рассекло воздух.

Противник просто исчез.

Не отпрыгнул, не увильнул, не перекатился под или за: нет, просто-напросто растворился в воздухе, словно туман. Тор заморгал, перехватывая меч и пялясь в сумрак впереди растерянными глазами.

– Глядь, – привычно выругался он даже повышая голос от нервов. – Это, вы это видели?

– Призрак, – совершенно спокойно прокомментировал Гронс, хотя Виль от неожиданности даже отпрыгнул назад, выставляя вперед руку с ручным арбалетом. – Или морок.

– Это что, нормально, что ли? – осведомился он, тараща глаза в пространство и пытаясь угледеть там очертания неведомого противника.

– Было нормально. Пока святой Амайрил не уничтожил магию, – пояснил Гронс, ничуть не обескураженный вопросом. – Мороки только пугают, нечего стоять. Сзади враги.

– И правильно, что ли, сделал, что уничтожил, – содрогнулся Виль. – Вы видели эту рожу?

– Я-то видел, – отозвался Тор, чувствуя себя не в своей тарелке от такого внезапного столкновения с совершенно не радующими его реликтами прошлых эпох. – Это что же, глядь, у любого покойника раньше такие сторожевые собачки были?

– Мороков-животных меньше, – подумав рассудил Гронс и снова подтолкнул Тора вперед. – Это, может, сам покойник. Такое случалось.

– Где вот, интересно, дают такое занимательное образование? – сощурился Виль, пока Тор, пытаясь вернуться обратно в боевое настроение, делал осторожный шаг дальше. – О мороках и прочем. Каждый раз думаю – все никак понять не могу.

– В семье. От следопыта следопыту, – отрезал Гронс, не реагируя на попытку вытянуть из себя больше информации.

Тор, тем временем, двигаясь в круге блеклого света, рожденного магическим светильником, осторожно продвигался вперед, и чем дальше он шел, тем сомнительней ему становилось: каменная кладка коридора изменилась, сменяясь сначала более грубо обтесанными глыбами, а потом просто вырубленным в толще камня проходом. Ничего странного в этом, в целом, не было: эльфийская гробница, в которую они так отважно полезли в поисках сокровищ и магических предметов, сохранивших толики силы, была в предгорьях небольшого хребта, опоясы-

вающего крайне неприятные топи, и, в целом, могла и уходить под него, но ... хотелось бы быстрее набить карманы и вернуться, а не ползать Эйн знает сколько по муравьиным ходам внутри горы.

– Ищут вход, – резюмировал Гронс некоторое время спустя, прислушавшись назад. – Следы стоянки нас выдали.

– Сколько их?

– Около десяти, – подумав, сказал следопыт.

– Разбойники, – вздохнул Виль.

– Вряд ли.

– Почему это?

– Там есть люди в тяжелых доспехах.

– Чем тяжелее шкаф – тем громче падает, – резюмировал Тор.

– Сказал Торрен по своему опыту падений, – прокомментировал Виль, явно пытаясь скрыть нервозность. Коридор их вел все дальше вглубь каменной толщи, постепенно спускаясь вниз, и потолок становился чуточку ниже с каждым шагом.

Тор притормозил в нескольких метрах от арки, за которой была непроглядная тьма.

– Глядь, что-то не нравится, – проворчал он, опуская меч. Гронс скользнул мимо него, и на мгновение в свете магического светильника все его морщины и шрамы, глубоко рассекающие лицо, сделали его похожим на ходячий труп. Следопыт внимательно осмотрел пол, потом стены, и, достав кинжал, просунул его между двумя не идеально прилегающими плитами. Внутри щелкнуло.

– Хорошая интуиция, – похвалил он своего спутника.

– Да какая тут, глядь, интуиция, – сплюнул в сторону Торрен. – Впереди вход, вон, стало быть, самое место поставить ловушку для обрадовавшихся.

– Голова! – с деланным восхищением отозвался Виль. – А теперь давайте уже входить. Там сзади ничего не слышно?

– Далеко, – коротко сказал Гронс, обнажил свои кинжалы и двинулся вперед первым, вопреки обычной логике. Торрен, ругнувшись едва ли вполголоса, шагнул следом, и Виль, высоко поднимая магический светильник, двинулся за ними.

Комната в самом деле оказалась гробницей, как на то и намекали знаки при входе: посередине небольшого помещения с двумя выходами был расположен саркофаг с барельефом дерева на крышке, вот только предполагаемым покойником внутри узорчатого гроба дело не ограничилось: в этой камере встретило свою смерть, как минимум, еще двое: парочка улыбчивых черепов скалилась от боковой стены, словно встретив смерть в обнимку, сидя как раз там. Тор крикнул было свое любимое “глядь”, но в лицо ему метнулась размазанная человеческая фигура с распыленным в безмолвном крике ртом, и Тор, хоть и сталкивался с таким уже в этом Эйном забытом месте, все равно испуганно ухнул и отмахнулся мечом, чикая богатырской дугой по саркофагу. Сталь высекла искры о камень, морок увернулся от меча и рванул вперед, проходя сквозь тело Тора ощущением холодной мертвой воды из черного омуты. Парень задрожал и выронил меч, тот с громким звяканьем, отдавшемся по всей длине пройденного коридора, упал на каменный пол. Виль выстрелил в выходящую из Тора смутную тень, арбалетный болт прошел куда-то мимо, а Гронс, единственный, кто сохранил присутствие духа, выхватил у Вилиа магический светильник и пошел с ним на морока, размахивая и выкрикивая что-то невразумительное. Торрен стал крениться, грозясь упасть, и Виль метнулся к нему, подхватывая поперек тела. Тор был холоднее и инертней камня.

– Дым и пепел, – выругался Виль. Торрен был ощутимо крупнее и мощней его, и единственное, на что хватило его сил – не позволить приятелю грохнуться на пол, как недавно не к добру помянутый шкаф. – Тор, Тор, очнись!

Морок отступал: корчился под лучами света, ускользая от уверенного наступления Гронса, который шел на него так уверенно и ловко, словно сто раз сталкивался с подобными реликтами темных и незаконных магических времен.

– Как он? – спросил следопыт, когда морок увильнул куда-то в коридор, по которому они пришли, торопливо истаивая на ходу.

– Холодный, тяжелый, – пожаловался Виль, щупая сердцебиение.

– Не вовремя, – достаточно равнодушно сказал Гронс, опускаясь на колени рядом с неподвижным Торреном и ставя светильник на пол. Деловито осмотрев пострадавшего спутника, он достал один из своих кинжалов, и Виль нервно перехватил его за запястье.

– Эй! Надеюсь, ты не?..

– Я – не – Гронс легко высвободил свою руку. – Его коснулась смерть, и нужен огонь, чтобы до него дотронулась богиня света, тоже. Тут кресало.

– Что за языческие ритуалы? – возмутился было Виль.

– Там, – Гронс кивнул на темноту тоннеля. – Уже люди. Ищи какую вы там хотели добычу, пока еще есть немного времени. А я займусь тут.

– Ладно, – Виль с подозрением на него посмотрел, но поднялся на ноги и пошел к саркофагу, оглядываясь на предмет других возможных источников добра. Потроша вещи покойной парочки и колупаясь в недрах приоткрытого саркофага, он то и дело оглядывался на Гронса, и даже толком не смотрел, что сметает в мешок: брошки, кольца, ожерелья, какая-то старая карта, какая-то книга, золотой кубок, пара церемониальных кинжалов, вполне обычный, ничего не примечательный меч в истлевших ножнах, диадема или корона... Обычный результат чеса по некрополю, а уж что из этого наделено магической силой – только предстояло узнать. Гронс же тем временем высек с помощью кресала в рукоятке кинжала огонь, используя для растопки ближайший удобный материал – кусок высохшей ткани с тела кого-то из неудачливой парочки, и поднес огонь к лицу Тора, что-то монотонно бубня. Вот в язычестве и ереси Виль до сих пор Гронса не подозревал, но это мало что меняло, на самом деле. Не так легко найти надежного спутника и проводника для таких, как у них с Тором, странных затей, а уж если он есть, то приходится ему в некоторых вещах потакать. Своеобразные религиозные представления были в этой ситуации, пожалуй, меньшей из бед.

Особенно потому, что они, кажется, помогали: в магическом свете и отблесках теплого огня лицо Тора стало живее, розовее, и он долго, внятно, ровно и глубоко вдохнул. Помогли бы точно так же молитвы Эйну? Увы, Виль подходящих не знал, будучи не совсем прилежным верующим.

– Тор? – позвал он, затягивая мешок и подходя к другу. Он наклонился над ним, глядя сверху вниз со вполне оправданной тревогой.

– Что это, глядь, было? – выругался Торрен после долгой паузы. Гронс удовлетворенно кивнул, потушив огонь и поднялся на ноги, принимаясь оглядывать стены.

– Морок сквозь тебя прошел, – сказал Виль и протянул ему руку, чтобы помочь подняться. – Вроде как.

– Ну и срань пепельная, – доверительно сообщил ему Торрен, цепляясь за его ладонь и с трудом поднимаясь на ноги. – Как будто ледяной великан шибанул.

– Ледяных великанов не бывает, – сказал Гронс, нажимая одному ему заметный выступ на стене. Древний механизм надсадно скрипнул и в кладке образовалась высокая и длинная щель, достаточная для того, чтобы пролезть в нее боком. И, возможно, даже протащить мешок с добром. – Сюда.

– Откуда ты знаешь, что там не ловушка и не тупик?

– Это обычная гробница времен короля Треллиона, – невозмутимо ответил Гронс. – Там должен быть выход в некрополь. А мы зашли со стороны бывшего храма, провалив потолок между двумя усыпальницами. Ну? Быстрей. Или хотите пообщаться с теми людьми?

От напоминания о преследователях Виль нервно дернулся и прислушался: то ли это нервы шалили, то ли он в самом деле уже мог расслышать тени звуков, которые они издавали в коридоре.

– Вперед, – скомандовал он Торрену. – Давай. Я пойду первым, ты вторым, Гронс замыкающим, ты же сможешь закрыть дырку с той стороны?

– Скорее всего, – неопределенно пообещал Гронс, но с планом спорить не стал: терпеливо дождавшись, пока Виль и Торрен вместе с мешком пролезут в щель, последовал за ними тоже, и долго колупался в магическом свете, шаря руками по стене. Наконец, он нашел нужную щель и стронул внутри механизм кончиком кинжала. С тем, как старинные шестеренки пришли в движение, из оставленной гробницы раздался полный ужаса крик, и ругательства, и звон оружия – достаточно далеко, но уже явно различимо, видимо, морок, напуганный Гронсом, нашел себе новых товарищей по играм.

– Дело за малым – ускользнуть с добычей, – натянуто пошутил Виль. – И желательно никогда не узнать, кто там нас преследовал.

– Если это было совпадение и случайность – то да, – согласился Гронс. – Но если нас подкараулили, врага лучше знать в лицо.

– Глядь, это потом все, – выругался Торрен, подталкивая Вилия в бок, чтобы шел уже. – Сначала на выход, с вещами.

Им повезло: проход не только не был завален, но и механизм на выходе работал тоже, пришлось всего ничего помочь ему, и они выбрались наружу.

– Интересный пейзаж, – прокомментировал Виль, оглядываясь, пока Гронс и Торрен, пыхтя, закрывали проход обратно и заваливали камнями и досками.

– Это было кладбище, – Гронс распрямился и закашлялся от поднятой ими пыли, прикрывая рукой почти беззубый рот. – Но тут уже не один раз побывали... Вейларисы и Торрены.

– Скорее, глядь, серые братья, – покрутил носом Торрен, бросая тревожный взгляд на разбитые надгробия, частично растащенные, частично украшенные знаками Эйна поверх традиционных для эльфов воззваний к их богам.

– Или к ним приравненные, – кивнул Виль. – Попытаемся вернуться на тот вход, посмотреть, может, будет понятно, там по нашу душу приходили, или просто тоже решили пограбить нагребленное?

– Да, – подумав, заключил Гронс. – Тор, ты в порядке?

Торрен, и забывший уже о своем несчастливом происшествии, сначала непонимающе на него уставился, потом кивнул.

– Лучше всех! Вот голову на плаху, а тело на костер, а лучше всех. Словно ничего и не случилось. Только руку, кажется, подвывернул, надо потом посмотреть.

Гронс внимательно посмотрел на него, словно оценивая правдивость слов, но, видимо, решил, что Торрен не преувеличивает, потому что резко развернулся и зашагал прочь.

– Все было напрасно, глядь, – испортив патетику привычной присказкой, заключил Торрен и запил грусть-печаль недорогой брагой, составляющей основу винной карты излюбленного студенческого заведения “Восходящее солнце”. Владелец этого островка безбашенного веселья утверждал, что это название было данью тому факту, что тут собирались самые настоящие “восходящие солнца” науки, но студенты невежливо считали, что восходящее солнце было просто-напросто первым, что видели выкинутые из заведения гости, просыпаясь ранним утром на улице.

– Все не напрасно, – не согласился Вейларис, расстелив на столе добытую у бесхозных мертвяков карту на столе и прижимая ее по краям пустыми кружками. – “Глядь”, – процитировал он великих и постучал пальцем по карте.

– И чего? Карта как карта. Не пойми что, – неуважительно прокомментировал Торрен, кидая косые взгляды на стол. Коррелируя с местом ее обнаружения, бумага была потрепанной,

пожелтевшей, хрупкой, линии рисунка и надписи от руки – бледными и непонятными, потому что явно даже не на весторне. – Это даже не по нашему, – потыкал парень в надпись.

– Да, это, кажется, по эльфийски, – подтвердил Виль. – Но у меня есть зацепка.

– Какая такая зацепка, если по эльфийски сейчас никто не говорит, не пишет и вообще? Разве что из преподавов кто, но они нам помогать точно не будут. Да что я тебе говорю, глядь, мы ведь попались тогда с Потерянным Кладом Кринтона, когда в библиотеке искали словарь гномьего, дым и пепел! А тут вообще даже не понятно, стоит ли ради этого соваться на рожон, может, это карта их родной деревни, или там, могилки прадедушки, на которой цветы надо поливать.

– Имей немного веры в своего верного соратника, Тор. Я все предусмотрел, – хитро улыбнулся Виль, откидываясь на стуле назад.

– И?

– В нашем Университете учится единственный в своем роде пока еще неподотчетный специалист по всяким эльфийским делам!

"Всякие эльфийские дела" были, на самом деле, всего лишь дипломной работой по образам магических существ в эльфийском и человеческом фольклоре, но такой специалист в самом деле имелся, и она посмотрела на Вилю с сугубым подозрением, только бросив взгляд на развернутую перед ней на библиотечном столе карту.

– И откуда это у тебя? – спросила хваленый специалист, закидывая ногу на ногу и скрещивая руки на груди.

– Купил. Хочешь сказать, тут что-то интересное?

– Купил, значит, – сощурилась она. – Да ты быстрее удавишься.

– В самом деле, Ле Илант, – возмутился Виль, делая вид, что собирается свернуть и забрать карту. – Я к тебе как к серьезному специалисту, чтобы изучить, так сказать, профильный актив, а ты?

На середину сворачиваемой карты легла рука, и широко разрекламированный серьезный специалист сказала:

– Изучу, как "серьезный специалист", всеми совершенно неинтересными тебе способами. Но хотелось бы предварительно знать, не окажусь ли я под прицелом, например, серых братьев, если ты эту карту вовсе не по настоящему "купил", а где-нибудь позаимствовал.

– Слово Аркейна, – пообещал Виль. – Что серые братья понятия не имеют, откуда эта карта взялась, и как могла попасть ко мне.

– И твое честное "второе я" и неизменная муза Грейволд мог бы поклясться? – приподняла бровь девушка.

Виль помедлил, вспоминая все обстоятельства недавнего похода, но потом сдержанно кивнул.

– Да. Потому что мы попали в нужное место первыми, и они не могли быть уверены, что именно там было, и мы смылись быстрее, чем они нас обнаружили.

– Ладно, – пожевав губу, заключила она и небрежно махнула в его сторону рукой. – Мне нужна пара дней, чтобы разобраться с твоей добычей. Иди и не мешай.

– Ты точно разберешься?

– Я точно разберусь.

– Слово Мист Ле Илант?

– Оно, – покладисто согласилась девушка, и этим Вилю пришлось удовлетвориться, потому что она не стала ни плату обговаривать, ни дальше выяснять обстоятельства получения карты. Просто свернула ее аккуратненько, убрала к остальным своим свиткам и вернулась к книге, которую изучала до прибытия в библиотеку Виля, игнорируя его продолжающееся присутствие. – Ты еще здесь? Два дня, Аркейн.

На этом Виль был вынужден откланяться, но, стоило двери за ним закрыться, как Мист тут же мало не отбросила в сторону свою книгу, стрелой метнулась к дверям библиотеки, блокируя дверь, зажгла пару светильников на стене рядом со своим рабочим столом в алькове, и по очереди плотно затворила все окна, погружая комнату во мрак.

Только потом она подрагивающими руками расстелила карту на стол обратно, провела пальцем по строчкам на эльфийском языке. Достала лист бумаги и стала переписывать полустертые буквы, догадываясь о недостающих, не позволяя себе предвосхищать события торопливым и, следовательно, ущербным переводом.

– “Там, где помогут”, – расшифровала она. – Башня нашего мага. Служит у него?.. учеником Карн, который родственник ... кого?... родственник. Не важно. Спросите помощи, но не входите, потому что ... выхода нет?.. – Мист прикусила губу едва не до крови. – Голову на плаху, а тело на костер, – с эмоцией выругалась она. – Неужели?.. Она?..

В дверь постучали.

Мист, взведенная своим недооткрытием до предела, испуганно дернулась.

– Не видите что ли, объявление? «Не мешать, работаю», там написано! – заорала она, опомнившись.

– Ле Илант, это Акринна. Откройте немедленно, что это за безобразие, в конце концов, библиотека не Ваша личная собственность!

Мист скривилась, торопливо побросала на расстеленную карту книг и листов бумаги, чтобы не давать повода для распросов, и пошла открывать.

– Ле Илант, Вы там что, спите? Библиотека это не только не ваш кабинет, но еще и не спальня!

– Лэри Акринна, извините, я ... – попыталась оправдаться Мист, открывая дверь.

– Только не говорите, что опять читали какие-то сомнительные псевдо-эльфийские источники, – поморщилась Акринна, с подозрением оглядывая полутемное помещение. – Вы в курсе, что это ненаучно?

– Я в курсе, – поморщилась Мист. – Но зато это интересно.

Акринна тяжело вздохнула.

– Особенно интересны расхождения эльфийских историй с нашими... учебниками.

– Лучше бы Вы не обращали на это внимания, и занимались своим фольклором.

– Не своим, а эльфийским, – уточнила Мист. – Ну, и человеческим. Однако, фольклор во многом укоренен в истории. И без изучения эльфийской стороны вопроса как раз и получается ненаучно, лэри Акринна.

– Вы понимаете, насколько это опасно? – удрученно потирая лоб, спросила профессорша.

– Что опасно?

– Сравнить, выискивать расхождения и сходства, проводить аналогии там, где это неуместно и затрагивать религиозные чувства людей?

– Представляю.

– Нет, не представляете! Против таких, как Вы, есть Управление Дознания и его верные серые слуги. Поэтому не трогайте эльфийскую историю, девочка моя.

– Но как же быть с правдой? Например, с тем, что “Житие Святого Амайрила” просто ну очень похоже на “Похождения Мага”, то есть, простите, “Интерес ас ар-Маэрэ”, которые включены в некоторые списки “Эльфийской радуги”. С купюрами, естественно, потому что “досто-чтимый маг” явно был «хоть и священным, но не святым», следуя его собственным словам.

От информации о таких изысканиях лэри Акринна побледнела как полотно, и, больно схватив Мист за плечо, резко встряхнула ее, от волнения переходя на «ты».

– Ле Илант, больше никогда, никогда не говори этого. Всего этого, ты понимаешь? Это не схожесть, это морфологическая общность, свойственная всем произведениям времен Святого Амайрила. Если поискать, то такие же сходства найдутся во всех жизнеописаниях того

времени, так как героя принято было, в соответствии с фольклорной традицией, проводить через ряд испытаний или приключений. А если дознаватели услышат хоть что-то похожее на то, что ты сейчас мне сказала, тебе не жить, ты понимаешь? И не только тебе, потому что они обязательно захотят проверить, насколько глубока ересь в нашем Университете! Да нас до сих пор всех не разогнали только благодаря кафедре богословия!

Мист недовольно вскинула голову, но взгляд лэри Акринны был полон такого яростного страха, что пришлось проглотить свои возражения. Оказаться исключенной буквально за месяц до получения диплома магистра совершенно не хотелось.

– Я не буду про это писать в дипломе. Он же по магическим животным, в конце-концов.

– И не в дипломе – не следует тоже, – выдохнула Акринна, разжимая руку на плече своей ученицы, и Мист сразу же попыталась растереть пострадавшее место. – Некоторые мои учителя рассказывали мне и историю, и жития Святых иначе, чем это описано в учебниках, это правда. Но историю пишут победители, студент Ле Илант. И не стоит спорить с ними, пока у тебя нет возможности победить и переписать все заново. Иначе это не борьба за истину, а юношеский максимализм.

– Да я вообще не знаю историю, – вымученно улыбнулась Мист. – И всем в Университете это прекрасно известно. Именно поэтому я пишу работу по фольклору.

– Да, – ответила лэри Акринна с такой же ненастоящей, выведенной улыбкой. – Действительно.

Она постояла еще с минуту, разглядывая немного сникшую Мист, наконец, кивнула и ушла.

– Вот тебе и Университет, обитель истины, – вздохнула девушка, возвращаясь на свое место в алькове. Что же, если карта в самом деле укажет на Черную Башню того самого мага, того ар-Маэрэ, про веселые и не всегда пристойные похождения которого с таким смачным восторгом рассказывал неизвестный автор в “Эльфийской радуге”, то у Мист, может быть, есть своя дорожка к настоящим знаниям?.. К истине о тех вещах, которые занимали ее с детства. И, может быть, Аркейн и Грейволд, два самых беспокойных студента-бакалавра окажутся той ниточкой, которая ее поведет.

Виль был не против побыть ниточкой, особенно при получении подобной услуги в ответ. Поэтому он снова разыскал Мист в библиотеке спустя означенные два дня. И даже озадаченную, отпирающуюся “музу” с собой привел, хотя Торрен в библиотеках и любых других учебных местах нехило робел. А пока именно этим он и был занят, нервно оглядываясь, Виль попытался начать переговоры с хитрым, изворотливым противником, окопавшемся книгами и свитками по самые уши.

– И? – нарушил Виль затянувшееся молчание, прекрасно осознав, что Мист знает об их присутствии и сознательно игнорирует.

– Что “и”, Аркейн? – даже не подняла на него взгляд Мист. Парень нетерпеливо дернулся.

– Сама знаешь, что. Ле Илант, я серьезно. Ты расшифровала?

– Во-первых, здравствуйте, – она, наконец, посмотрела на своих гостей и окинула взглядом остальное пространство библиотеки, но, к счастью, явление Торрена и его двуручного меча всех озадачило еще больше, чем самого Торрена – и они предпочли слиться, пока не стали свидетелями какой-нибудь расправы.

– Привет, – сказал Торрен, сдержанно нависая над ней. – Помнишь меня, Ле Илант?

Мист кивнула.

– Да. Ты Грейволд. Я вела у вашего потока семинары по фольклору во время практики.

Торрен поморщился.

– Вот, глядь, о грустном не над. Я Тор. А этот – Виль. Много чести его Аркейном звать, этот позор почтенной фамилии.

Мист старательно нахмурилась, но на самом деле, это все звучало очень забавно.

– Тогда у вас есть мое разрешение называть меня по имени.

– Отлично, – похвалил их обоих Виль. – А теперь, все ж таки, Ле И... то есть, Мист, ты расшифровала?

– Тор, будь так любезен? Запри двери, закрой окна. Тут что-то светловато, – сдержанно ответила девушка, вставая со своего места, чтобы зажечь светильники в алькове.

– Один момент, – моментально понял тот, коря себя и Виля за непредусмотрительность. Видимо, несмотря на свои приключения, они оба были слишком беспечны, все-таки, и им было чему поучиться – удивительное дело! – у книжного червя.

– Темные дела вершатся во тьме, – пошутил Виль, когда область разговора оказалась старательно огорожена.

– Твой ответ – “да”, – сказала Мист, складывая руки вместе.

– И что там? Это карта, вообще, чего?

– Это карта башни одного очень могущественного мага, который жил триста лет назад, – выдала она короткое, рафинированное объяснение, стараясь не показывать своего выплескивающегося энтузиазма. – Так как судьба этого мага не известна, в башне могут найтись его ... артефакты. Я так понимаю, именно магические реликты вас и интересуют.

– Именно, – едва не подпрыгнул Виль. – И можно понять, где это, конкретно?

– Эта Башня именуется в “Интере ар-Маэрэ” Башней без Выхода, и считается местом, где досточтимый маг проводил больше всего времени, когда не находился при дворе рилантара Треллиона, но я не могу ожидать, что вы все это и так знаете.

– Нет, не знаем, – покорно согласился Виль. – Так как, найти-то можно?

– Совсем вас не интересует величие исторической находки, – вздохнула девушка. – Да. Можно найти. Тут, на карте, есть конкретные указания, как найти нужное место. Они не очень прямые, но мы, вероятно, справимся. Это в районе горной гряды Альфаста, неподалеку от некой горы Атайн, и идти первоначально надо именно туда, а дальше – пытаться на местности сориентироваться в указаниях.

– “Мы”, – определил главное словно тирады Виль, вопросительно выгибая бровь.

– Вам артефакты, мне – книги и записи, – прямо предложила Мист. – Это история, потерянные знания, даже если их не готовы признать таковыми.

– И зачем это тебе все? – нахмурился Виль, для которого это все было не то, чтобы бессмыслицей, а скорее – полной ерундой, за которой идти куда-то вовсе не стоило.

– Я же не спрашиваю вас, зачем вам артефакты, – отпарировала Мист, неприятно улыбаясь. – И в каких местах вы их сбываете, и с какими целями потом используются последние крохи магии этого мира.

– Ладно-ладно, намек понял, – вздохнул Виль, а Торрен важно покивал. – Когда отправляемся?

– Хм, и когда же? – повторила его слова Мист, явно даже не делая попытки быть дружелюбной.

– Ты, однако же, исключительно вредная женщина. Но я со времен твоих семинаров это помню, – печально рассудил Виль. Однако, дело обговорили, и все решили, и особых проблем не возникло, потому что когда два человека хотят договориться, это у них получится, и никакой дурной нрав, жадность или лень им не помешают.

И если уж цель поставлена, никакие скверные привычки не мешают бежать, идти, ползти или лежать в ее направлении. Поэтому ранним утром на следующий день на место встречи Мист явилась вовремя, выспавшаяся и с полным комплектом походного оборудования, поскольку мероприятие грозило затянуться на несколько дней.

Около избранного для сбора фонтана уныло ошивался неаккуратный типчик в заношенной одежде. Типчик меланхолично курил трубку, изредка попинывая ногой средних размеров походный баул. Оглядев его с ног до головы, Мист сделала не порадовавший ее вывод о том,

что подванивающий доходяга, его треснутая трубка и грязный баул являются частью будущей экспедиции. Иначе какого пепла тут делать в такую рань? Покачав головой, Мист вздохнула себе под нос и устроилась на парапете фонтана, прислонив к нему свой аккуратный вещмешок. Ничего, это все ничего – если карта была правильной, если "Радуга" не врала, если все было не напрасно, в башне ее ждет открытие, равному которому земли Эквеллора не знали несколько сотен лет. Наверное, с самого откровения святого Амайрила. Что тут думать? При должном успехе она узнает, что действительно случилось с этим миром почти триста лет назад, или хотя бы получит намеки! Надо только найти на горном кряже Альфасты "к северу от хода солнца" раздвоенную вершину Атайн, которая укажет путь дальше... за радугой.

– Мечтаем? – раздался над ее плечом веселый голос, и горько пахнуло перегаром. Мист так и подпрыгнула. Причем, на самом деле подпрыгнула: резко взвилась на ноги, скидывая на неведомого агрессора свой тюк и наугад прописывая вбок и назад резкий удар кулаком.

Раздался удрученный стон, намекающий на успешность маневра, и Мист, обернувшись до конца, удивленно посмотрела на согнутого в три погибели Виля. Потом перевела взгляд на стоящего рядом ухмыляющегося Торрена и пожала плечами.

– И тебе доброе утро, – вежливо сказала она.

– Ты что, двинулась? – возмущенно спросил Виль, когда немного отдышался. Торрен тем временем, пряча улыбку, приветствовал Гронса.

– Нет, я двинула. Тебе. – педантично уточнила Мист. – В следующий раз не будешь дышать на меня помойкой, особенно, так неожиданно.

– Да я вообще к тебе больше никогда не подойду, – огрызнулся Вейларис, все еще потирая ребра. – Психушка.

– Приятно познакомиться, – невозмутимо ответила Мист.

– Тогда вот и с Гронсом приятно познакомься, – широким жестом предложил Тор, – это вот Мист Ле Илант у нас того, глядь, переводчик выдумок. А это Гронс, наш проводник.

Тот подошел ближе, с надрывом харкнул слизью на мостовую и едва слышно проскрипел что-то, что могло бы показаться невразумительным откликом на новое знакомство. Если бы Мист не расслышала знакомо-притягательных корней в этом малоразборчивом бормотании, она не обратила бы на него внимание. Но структура фразы и слов застряли на грани ее сознания, и Мист, прокрутив сказанное в голове еще раз, расшифровала его и разложила по полочкам, и удивилась получившемуся результату.

Ужасный воющий тип сказал: ард-Гроннен эр-Эландиль Аинэ, и Мист, наверное, была первым человеком за многие годы, кто смог понять, что это значило.

Словно ступая по тонкому льду, она очень, очень осторожно ответила, надеясь, что не ослышалась:

– Раэ иллаве, эр-Эландиль.

Нет, не ослышалась, потому что тот отозвался, хоть и очень медленно, словно вспоминая звучание родного языка.

– Раэ г'иллаве, Моррайт. Тирре эр-Вестре?

Торрен и Вейларис удивленно переглянулись, а Мист, разом растеряв все слова эльфийского языка, попыталась ответить на вопрос. Мастер ли она языков? Конечно, нет.

– Да я не знаю, как правильно назвать свою профессию. Я изучаю фольклор. Но не могу называться мастером, так как еще не закончила Университет. И язык ваш я не ахти как знаю, потому что практиковаться особо не на ком.

Сожженное солнцем, изборожденное морщинами, которых не должно было бы быть, лицо разрешила неожиданная улыбка, обнажившая почерневшие пеньки нескольких зубов.

– Сейн тирре тэр-Иандэ, – сказал он. – Это правильное слово для всех хранителей знаний.

– Что это тут за тарабарщина? – осторожно уточнил Виль. – Какой такой язык? Что за тире? Так вы знакомы, что ли?

– Ну, он, – кусая губу, сказала Мист. – Типа эльф. Если вы еще не догадались. По его имени.

Прятели снова переглянулись.

– Гронс, – сказал Торрен. – Это Гронс. Следопыт наш, глядь. Мало ли там какое у него расфуфыренное имечко? Вот этот вот, – он невежливо ткнул пальцем в Вилья. – Вообще Вейларис Аларель Сильвед Аркейн, урожденный лэр Имрейс. Только лэрства, не то, что княжества, ему не видать, потому что тупица и вообще, небось, давно изгнан с позором.

– Это было немного больше сведений, чем мне необходимо, – поморщилась Мист. – Филтруй в следующий раз.

– Ты тоже, – фыркнул Торрен. – Это самое делай. Какой из него эльф? Они красивые, говорят, были, демоны. И потом, Гронс нормальный парень. Он не предает, не ест детей на завтрак, не крадет...

Мист саркастически приподняла бровь, но лекций читать не стала, вместо этого ограничившись нейтральным:

– Как скажешь, Торрен. Эр-Эландиль, если вам еще не сообщали, нам нужно кратчайшим путем добраться до Альфасты. Там должна быть некая вершина, называемая Атайн.

Тот кивнул.

– Знаю. Гора Близнецы.

– А, Близнецы. Я про них слышал. Правда, сам, наверное, не найду. Для меня все горы примерно близнецы. – нестроумно пошутил Виль. – Так отправляемся?

Мист тяжело и обреченно вздохнула на такую профанацию знания и потянулась за своими вещами. Гронс вежливо помог ей закрепить ляжки, пока она старалась не дышать (эльф не эльф, а ароматы он источал прискорбные). И они, наконец, отправились.

Мист старательно молчала ровно до тех пор, пока их могли слушать посторонние уши: но такой ценный источник знаний упускать было нельзя, да и любопытство кусало за всевозможные части тела, поэтому, стоило им выбраться из города, как она сочла возможным пристать к Гронсу, словно охочий до кровушки клещ.

– Я вот слышала, – начала она в надежде зацепить темой Гронса. – Что эльфы, изгнанные святым Амайрилом, скрылись в дальней неприступной твердыне. И эльфов больше в Эквеллоре нет. А как так получилось, что Вы остались, эр-Эландиль?

Гронс не поддался – только неопределенно повел плечом, а Тор саркастично хмыкнул.

– Мист, глядь, ну хватит. Какой из него такой эльф?

– Настоящий, а не из бабушкиных сказок, – раздраженно отпарировала Мист. – Не мои проблемы, что ты не утруждал себя чтением реальных исторических источников, вместо этого повторяя тупые высказывания ограниченных людей.

– Ограниче... Эй, ты чего? Это я, по-твоему, тупой, что ли?

Мист фыркнула и демонстративно промолчала.

– Судя по выражению ее лица – да, – услужливо подсказал приятелю Виль. – Но, вообще-то, отец мне рассказывал несколько историй про эльфов. Не такие, как я потом в Университете слышал.

– Например? – тут же оживилась Мист.

Вейларис задумался.

– Ну, вот, например, была история про волшебного зайца.

– Волшебного зайца? – недоверчиво уточнил Торрен. – Это эльф магически притворялся зайцем? А потом всех убил и съел?

– Да ну тебя, – буркнул Виль. – Тебе бы все про зайчиков и кровищу.

– Ну, нет, можно еще про зомби и бифштекс!

– Не слушай его, – Мист укоризненно глянула на Торрена. – Рассказывай.

Виль наморщил лоб, вспоминая.

– В стране закатной и далекой, жил когда-то отшельник. Он был благочестив и добр, и дикие звери выходили из чащи приветствовать его по утрам.

– Да неужели, – весело фыркнул Торрен. – И гоняли его по опушке леса, пытаясь съесть? Вейларис старательно проигнорировал его.

– Волки приносили ему мясо, а медведи – сладкий мед; птицы слетались на его ладони, чтобы рассказать новости, и даже хитрые лисицы крутились у его ног, словно домашние кошки. И вот однажды самый большой из волков, с черной страшной пастью и шрамами на морде, принес ему зайца. Заяц был ранен и тяжело дышал, истекая кровью, но был еще жив. А на туловище этого зайца золотистые волоски складывались в лиственный узор. Отшельник подивился этому и решил выходить зайца. Выздоровев, заяц не стал убегать, а остался жить в хижине отшельника, питаясь травой на опушке леса и прячась в дом при каждом постороннем звуке. Отшельник очень полюбил его и баловал. Так шло время, пока однажды осенью отшельника не подкосила тяжелая болезнь. Ему было так тяжело и плохо, что он был уверен, что скоро умрет. Однако ночью заяц лег ему на грудь и золотистые отметины на его теле засветились мягким светом. Отшельник сразу почувствовал себя лучше и смог уснуть, а утром проснулся уже совсем здоровым. Когда однажды в соседнем селе заболел ребенок, и отшельник не смог справиться с этой болезнью, он взял с собой к больному зайца, и попросил его об исцелении. На удивление, заяц понял хозяина и вылечил ребенка так же, как и его. Так слава о Волшебном Зайце пошла по всему краю, и многие отчаявшиеся больные стали приходить к отшельнику за облегчением своих бед.

– По законам волшебных сказок в этом месте должен появиться некий властью имущий, желающий забрать зайца себе, – со знанием дела прокомментировала Мист, загребая ногами дорожную пыль.

– Именно, – кивнул Виль. – Прослышал о чуде и король тех земель и пожелал, чтобы Волшебный заяц жил в его замке и лечил его хвори. Чем мог воспрепятствовать отшельник могучему королю?..

– А вот тут наступает драматический момент грабежа награбленного, – подсказала Мист, отлично представляя себе структуру такого повествования.

– Да, у короля заяц прожил недолго. Знатный эльф проезжал там и был зван на ужин к королю, где увидел этого Волшебного зайца. Стоило ему коснуться заячьей шкуры, как золотистые узоры на ней превратились в золотой венец, надетый поперек туловища зверька. Эльфийский вельможа тогда забрал этот венец и возложил на свое чело, от чего стал отмечен силой и светом, пепел знает, что бы это значило, но все тут же поняли, что он будущий король, а Волшебный заяц был испытанием. ну, или что-то в этом роде.

– И это был король Треллион, – довольно завершила сказку историческим фактом Мист.

– Рилантар Тирель, – скрипуче подтвердил Гронс. – Последний из королей эльфов.

– А что, так никого и не убили? – разочарованно уточнил Торрен.

– Убили, – сочувственно успокоила его Мист. – Только потом, когда Треллион вернулся в Рилантар и устроил кровавую баню другому претенденту, чье имя я ни разу не видела упомянутым.

– Это людям важны книги, – сообщил ей Гронс. – Нам хватает памяти.

– Хорошо вам, – вздохнула Мист.

– Но я так понимаю, Треллион выиграл? – уточнил Вейларис.

– Ага. Судя по "Радуге", он нашел поддержку тогдашнего придворного мага – который, по чистой случайности, только что занял место своего предшественника и тоже отчаянно нуждался в поддержке.

– Ис-Эйиладд ар-Маэрэ Иллемэйр, – уточнил Гронс.

– Как-как? – рассмеялся Вейларис.

– Эйиладд, – кисло повторила Мист.

– Не твой родственник, часом, Ле Илант? – приснул Торрен.

– Будь он моим родственником, я бы здесь пыль, по твоему, с тобой месила бы? – возмутилась Мист. – Сидела бы в своей белой башне в далеких землях, как лапушка. И вся память мира и народа эльфов в моем распоряжении, а не куцые обрывки, которыми нас пичкают в Университете.

– Вот это бунт! Ты, глядь, главное лэри Акринне ничего такого не того, – похвалил Торрен и радостно загорланил одну из малоприличных студенческих песен. – Эх, в задницу учебу, туда же и закон! Пусть голову на плаху, но тело – на костер!

Гронс тут же старательно сделал вид, что он не с ними и просто случайно идет той же дорогой, но получалось не очень. Но, хотя бы, потенциальные неприятности тоже предпочли обходить орущих студизов стороной, отложив свое свершение до тех пор, пока творческий запал у громогласного трио не сойдет на нет.

До гор за день, конечно, дойти не успели, хотя под вечер они уже виднелись уже довольно близко. Проспорив и проболтав закат, лесную опушку для ночлега они облюбовали только когда стемнело.

– И сейчас из леса обязательно выскочит огромный волк, – прокомментировала Мист, косясь на жарящуюся над костром заячью тушку. – Со шрамами на морде и черной пастью, самый крупный из стаи.

– Пепел на тебя, Мист, – ругнулся Виль, поворачивая вертел. – Сейчас без ужина останешься, если станешь каркать.

– А хочешь, про жареного цыпленка расскажу? – хихикнула она в ответ.

– О, я эту знаю, – обрадовался Торрен и начал, – придет цыпленок жареный, и встанет за спиной, смотреть он будет долго, шпионить за тобой...

И они вдвоем радостно продолжили уже хором:

– Потом услышишь шорох, тогда ты будь готов: проклянет тебе жопу! До крови и кишок!

Закончив декламировать с драматическим подвыванием, оба весело засмеялись, и Виль раздраженно кинул в любителей изящной словестности камнем из импровизированного очага.

Тут же очень вовремя и точно раздался громкий треск, и в круг света от костра свалилось человеческое тело.

Торрен мгновенно метнулся к своему тюку за мечом и, вооружившись, выступил вперед, отпихивая плечом окаменевшую на месте Мист. Виль же споро снарядил свой ручной арбалет, автоматически укрывшись за приятелем.

Торрен, продолжая прикрывать обоих, приблизился к телу, а Виль, сунув заряженный арбалет в руки Мист, взялся за второй.

– Где Гронс? – прошипел Вейларис.

– Это не он, – спокойно ответил Торрен, оглядывая труп, – тут веревки. Этот висел на дереве. Веревка оборвана.

– Тут неладно, – раздался сбоку хриплый голос Гронса. Мист вздрогнула от неожиданности, Торрен не пошевелился, продолжая обозревать труп и окрестности, а Виль только едва скосил глаза на их спутника, стоящего за пределом освещенной зоны.

– Что нашел? – уточнил Торрен.

– Этот не единственный. Много трупов на деревьях. Некоторые мертвы давно, некоторые недавно. Все убиты, у некоторых ран много, у других – ни одной, все объедены стервятниками. Этого я уронил случайно – видимо, веревка прогнила.

– Чуть не в еду, – укорил его Виль. – И Мист напугал.

– Вот-вот! – смачно сплюнул Торрен.

– Вирре, тэр-Ианде, – дернул головой Гронс.

– Эдвирре, – машинально ответила Мист, до боли сжимая приклад арбалета.

– Хуже, есть следы, – невозмутимо продолжил следопыт. – Те, кто это сделал... недалеко.

– А были какие-то слухи, чтобы пропал кто-то здесь?

– Да какие слухи? Глушь. Если кто сюда без каравана нормального сунется, никто и не узнает, что и как, – буркнул Торрен. – Помогите убрать этого красавца, кто-нибудь. Эй, Виль, я сказал – кто-нибудь.

– Почему сразу я, – недовольно отозвался тот.

– Потому что от Мист сейчас мало проку, а от Гронса, наоборот, много. Он в темноте и на огонь не смотрит – значит, все видит, если что – предупредит. А ты ровно посередке. Так что, глядь, давай, вперед.

Огрызаясь и переругиваясь, они оттащили тело немного в сторону, и попутно обшарили – правда, ничего это им не дало, так как все, что там можно было присвоить, кто-то уже оприходовал.

– Странно, – в первый раз с момента падения тела заговорила Мист.

– Что именно?

– Странно, что на деревьях. Это не просто из корысти убийства. Больше похоже на какой-то культ.

– Этого нам еще не хватало, – зло бросил Торрен.

– Я что-то не помню таких обрядов, – покачал головой Виль.

Все они, кроме Гронса, который снова исчез в лесу, расселись спиной к костру, настороженно вглядываясь в темноту. Торрен нежно поглаживал свой двуруч, лежащий у него на коленях. Вейларис невозмутимо грыз ножку кролика.

– Отлучение от лона земли, – сказала Мист. – Обрыв связи. Жертвы древесным богам?

– Эльфы? – с подозрением уточнил Торрен, на мгновение отрываясь от меча.

Мист только махнула на него рукой.

– Что-то такое было, – неожиданно сказал Виль. – Лес качающихся трупов?.. Лес качающихся тел?..

– Это, по моему, была поэма, – ответила Мист.

– Ты ее помнишь?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Это было что-то патристическое. Я на таком обычно сплю.

– Там о легенде, что ли, речь шла, – попытался вспомнить Вейларис.

– О казнях еретиков там было, – неожиданно сказал Торрен. – Что после чудес святого Амайрила святая наша церковь пошла в поход против ереси. И свергли тиранов с их грязной магией, и чистый огонь был не для них. Поэтому всем приспешникам зла нашлась добрая веревка и доброе напутствие в короткую дорогу, и так было много виселиц, что поля под Сидонией стали лесом качающихся тел.

– О, небеса, – мученически простионала Мист. – Не вижу, чем это нам помогло. Только блевать еще сильнее охота.

– Не на меня, пожалуйста, – нервно хихикнул Виль.

Мист насупилась и ничего не ответила.

Несмотря на нервы, вскоре ее все же начало клонить в сон, поэтому она, не меняя положения, опустила голову на плечо сидящего рядом Торрена и задремала.

Ночь прошла тревожно – но только потому, что все они нервничали и вздрагивали от каждого шороха, и даже в свете утра не особенно пришли в себя. Пробудившись, компания в полном молчании расселась вокруг кострища и принялась за остатки вчерашнего зайца.

– Надо его схоронить, что ли, – внезапно сказал Торрен.

– Сдурел? – осведомился Виль. – Тогда всех надо хоронить. Снимать и хоронить. Как раз к концу лета закончим.

– Буэ, – сказала Мист.

– Я сжег его, – спокойно отозвался Гронс. – Пока была моя стража.

– Мужик, – прокомментировал Виль, доглядывая кость. – Уважаю.

– Остается вопрос, а что это вообще было, – сказал Мист, изгоняя из мозга видения полуразложившегося трупа.

– Меня это не прям, чтобы занимало, – отозвался Торрен. – Главное, чтобы то, что их вешало, за нами не пришло. Поэтому вы уж извините, а обратно другой дорогой.

– Согласен, – поморщился Виль.

Мист кивнула, покосившись на Гронса, но тот молчал, невозмутимо пакуя вещи.

Вскоре все участники экспедиции уже споро шагали дальше, вернувшись на дорогу, и старательно не думали о ночных ужасах. Разговор, однако, не клеился, песни не пелись, и вообще было как-то уныло.

Молчание в итоге неожиданно нарушил Гронс.

– К вечеру будем у Атайн. Какие указания там дальше?

Мист встрепелась.

– Указания нам дадут сами Близнецы. Тот, который выше, укажет путь к Черной башне.

– Это как? – не понял Виль.

– Там что, на скале картинки будут нарисованы, куда идти? – присоединился к недоумению Торрен.

– Почему я знаю, – махнула рукой Мист. – Картинки, или надписи, или еще что. На карте есть указание, как встать и куда смотреть, по-моему, этого более, чем достаточно. Некстати, кто помнит, когда у Ольдебрана открытая лекция по современным теориям языкознания?

Вейларис раздраженно помотал головой, а Торрен невесело ответил:

– Через неделю. Нам велел в приказном порядке быть.

– С чего бы? – удивилась Мист.

Вейларис фыркнул.

– Этот идиот, и я имею в виду Тора, а не старика, имел глупость сказать, что слово "верую", *dersist*, то есть, происходит от "дезертирства".

Мист скривилась, словно откусав лимона, вспоминая последнюю отповедь лэри Акринны.

– Это еще повезло, что верные наши друзья, серые и скромные, не узнали.

Торрен поморщился.

– Ну, глядь, похоже ведь, – буркнул он.

– Мало ли, – ответил Виль. – Нашего отца-предстоятеля, например, зовут Фофей Седьмой. Но как-то никому не приходит в голову всему миру объявить, на что именно это имя похоже.

– Я б сказал, – гнул свое Торрен. – Глядь, как сказал б.

– Это мы уже поняли, – тяжело вздохнула Мист. – Но вот иногда, лучше тебе помолчать. Вот когда хочется что-то такое ляпнуть, ты о чем-нибудь грустном подумай. Или зажуй что-нибудь.

Торрен согласно покивал и полез на ходу в заплечный мешок, откуда достал краюху хлеба и стал заглатывать.

– Помогло? – поинтересовалась Мист, подлезая к нему под руку, чтобы отщипнуть и себе пожевать.

– Уга, – неразборчиво ответил Торрен.

– Теперь главная загадка мира – что именно такого еретического хотел сказать Тор, – прокомментировал Вейларис, припадая все к тому же куску хлеба с другой стороны.

– А что, что, глядь, – невнятно отозвался Торрен. – Могли бы и покрасивей имя предстоятелю дать.

– Традиция, – пожала плечами Мист, чувствуя, как от жевания мрачные тучи неудачного ночлега над головой рассасываются. – Того предстоятеля, который был спутником и учеником

святого Амайрила во времена его подвижничества, звали Фофей. С тех пор такое имя все предстоятели и принимают...

Как назло, вскоре пошел дождь, и путники уныло хлопали под мелкой моросью до самого вечера – так что, они даже не разглядели со всем прилежанием суровой красоты приближающегося горного кряжа и фантастических очертаний двурогой горы, к которой лежал их путь.

В конце концов Гронс весьма бережно подтолкнул Мист под ребро, привлекая ее внимание.

– Вон Атайн.

– Где? – встрепелась она, пытаясь разглядеть в нависающем сумраке хоть что-то.

Гронс, взяв ее за плечо, развернул ее в нужную сторону.

– Видишь раздвоенную вершину? Это Атайн.

– Точно? – сощурился в том же направлении Виль.

– Точно, точно, знаток мест, – отозвалась Мист, хоть ничего и не видела. – Нам нужна та из двух вершин, которая выше. Она-то и содержит подсказку.

– Значит, более высокая вершина, говоришь? Ладно, померяем, – миролюбиво согласился Виль. – Вот только как их измерять? По мне, так они одинаковые.

– Тебе все горы вообще в принципе одинаковые, – урезонил его Торрен. – “И вообще близнецы”.

– Правая, – коротко сказал Гронс, закончив взглядываться.

– Значит, правая, – согласилась Мист, не собираясь противоречить глазам эльфа, каким бы вониючим он ни был. – Правая сторона и правый пик. Там-то оно и есть, что нам так надо, что нас так манит и зовет. И что стоим, кого ждем? Ищем тропу! И желательно пологую такую, широкую, потому что я не верхолазное ни разу. А как раз наоборот. Господа, как вы думаете, мне уже пора заткнуться? Или еще можно повыступать?

Торрен сочувственно похлопал ее по плечу, понимая степень ее нервного возбуждения от близости к цели, и двинулся было к горе, но Виль невежливо отдернул его за плащ назад.

– Куда, дурень! Темно уже, ноги поломаем. Нужно на ночлег и спать.

– Я ни за что не усну сегодня, – зловеще сказала Мист. – После вчерашнего-то.

– Я буду держать тебя за руку, – пообещал Виль.

– Предпочту руку Торрена или Гронса, – парировала девушка. – Они умеют обращаться с оружием, по крайней мере. Не всадыт мне стрелу куда не надо от испуга.

– Я не буду держать тебя за руку, – тут же поменял мнение Виль.

На том и порешили. Однако, стоило троице студентов рассестись вокруг костра, а Гронсу исчезнуть в неизвестном направлении, как в свет костра свалилось тело.

На этот раз Мист не стала застывать на месте – она спокойно донесла до рта мясо, насаженное на нож, и откусила.

– Где-то я это уже видела, – в пространство сказала она.

Торрен уже давно был на ногах и с мечом наизготовку, когда у костра появился Гронс с кинжалами в каждой руке.

– Бродил вокруг. Подслушивал.

– И за это ты его этого-того? – удивился Вейларис.

– Живой, – лаконично ответил Гронс, подходя ближе.

В ответ на его голос тело у костра слабо пошевелилось и застонало.

Торрен убрал меч в ножны, неодобрительно качая головой и начал споро обшаривать неожиданного визитера.

– Конкуренты? – спросил Вейларис, вытягивая шею в сторону действия. Гронс тем временем снова растворился в темноте.

– По-моему, намного хуже, – грустно ответил ему Торрен. – Либо настоящий бродяга, либо шпион. Второе вероятней.

– Кому это могло вздуматься за нами шпионить? – удивилась Мист. – Хотя...и более странные вещи случались. Что, будем приводить его в чувство?

– Немного погодя, – серьезно ответил Виль, колупаясь в своем заплечном мешке.– А пока, Тор, подвыруби его.

Торрен согласно кивнул и, собрав грязноватые волосы жертвы в кулак, резко двинул его головой о землю. Мист поперхнулась куском мяса.

– Огого, мальчики.

Торрен равнодушно пожал плечами.

– Лучше я сейчас его вырублю, и Виль надурит ему мозги, чем нам придется убить его, просто на всякий случай.

– На всякий случай? – уточнила Мист.

– Ну, а вдруг чего? Нам проблемы не нужны, – ответил Виль, размещая над огнем небольшой котелок. Рядом с ними на несколько мгновений материализовался Гронс, налил из другого котелка воды и исчез. Виль благодарно кивнул в пространство и принялся варить какое-то зелье.

– Что за колдунство? – живо поинтересовалась Мист, едва не доставая тетрадь для конспектирования.

– Зелье послушания, как его называют в запретительных документах. А на самом деле, такое ... меняющее сознание. Делает жертву очень внушаемой, и все такое.В связи с этим строго запрещено везде, где только можно, но на самом деле, каждый уважающий себя палач знает, как это все наварить.

– Ого, – повторила Мист. – Пепел тебе в душу, а лихо вы все-таки живете.

Виль неопределенно дернул плечом, а Торрен сдержанно фыркнул:

– Ты еще и половины не знаешь, вот, глядь.

– Ну и хорошо, – заключила Мист, наблюдая за Вилем.

Через некоторое время зелье было готово и, немного остуженное, с величайшими предосторожностями влило в глотку потенциального шпиона и, по совместительству, потенциального трупя. Но пока что Тор даже заботливо помассировал ему горло, помогая сглотнуть – а еще на всякий случай предусмотрительно завязал ему глаза.

Вскоре одурманенный человек пришел в себя. Выглядел он, на взгляд Мист, не очень. Вернее, очень – но очень измученным, куда больше, чем его успели замучить.

– Имя? – начал Виль сразу, как только тот зашевелился.

– Вагайн Скарабей.

– Статус?

– Вольный хлеб. Наемник.

– На кого работаешь?

– На церковь святую, единую.

– О, – расстроился Виль, а Мист ощутимо напряглась, но старательно промолчала. – Вот и оно. Какое у тебя задание?

– Следить за кладоискателями Вейларисом Аркейном, Торреном Грейволдом и их спутниками. Вызвать, ведутся ли ими еретические разговоры, выяснить, не ищут ли они еретических книг, заклятий и укрытий, – с тяжелыми паузами сказал пленник.

Мист прикусила щеку, переводя нервный взгляд с одного своего спутника на другого. У нее была куча вопросов: но одурманен был шпион или нет, Мист не собиралась ничего уточнять в его присутствии.

– Эх, глядь, – вздохнул Торрен. – Куда не сунь, всюду пепел.

– Согласен, прискорбно, – достаточно озабоченно согласился Виль и, прижав Вагайну голову профессиональным движением, влил в него остатки зелья. – А теперь слушай меня. Ты

следил за нами, но мы чисты. Ты не увидел ничего, что вызвало бы твое подозрение. Мы дошли до Атайн, но карта была неправильной, и мы ничего не нашли. Ты все запомнил?

– Да, – булькнул шпион.

– Теперь спи. Долго спи. Очень долго.

Вагайн Скарабей покорно обмяк, и казалось, всего несколько минут прошло, как его дыхание выровнялось, стало редким и глубоким.

– И что, это будет тут так и спать? – тихо поинтересовалась Мист.

– Ага. Но мы все равно на всякий случай заткнем пока что ему уши.

– И не станем развязывать глаза, пока не уйдем.

– Тогда я на другой стороне костра, – сморщила нос девушка и, когда парни закончили возиться со своей жертвой, продолжила. – Так, может, ты карту все ж таки не купил, негодяй?

Виль вздохнул, присаживаясь у костра и некоторое время молча корчил рожи, до тех пор, пока это не надоело уже Торрену.

– Да, глядь, конечно не купил, – сплюнул тот. – Мы один погост нашли, эльфячий, ну, там, туда-сюда. Заперлись внутрь, искали что найти, и за нами полез кто-то. Ну, мы ускорились. Нашли там, помаленьку, и у двух случайных скелетиков эту карту обобрали. Смылись через тайный ход, который Гронс нашел. Это... а, вот я не понимал, как он это делает.

– Он эльф, – отмахнулась Мист. – И прекрасно знает, как устроены все эти гробницы и погребальные камеры. Кроме того, у эльфов и зрение, и все остальные органы чувств работают лучше, чем у ущербных наземцев.

– Наземцев? – с подозрением уточнил Виль.

– Тор, ты продолжай, продолжай, – попросила девушка, словно не расслышав вопроса Виля.

– Ну, глядь, мы потом покружили там, туда, сюда, там, видели кругом серых. Аж три группы, может, или одна поделилась, но очень такая. Многочисленная. Церковь наша распрямленная явно там роет носом, и, может, они за нами и чапали, – пояснил Тор, бросая тревожные взгляды на своего приятеля, которого словно какой жук ужалил.

– Наземцы? – повторил Виль, глядя на Мист, как на затейливый артефакт из давних времен, который обещал принести много замечательных денежек.

– Да что тебя заело-то, а? – спросил Тор, хмурясь и кривя рот.

– Наземцы, – еще раз сказал Вейларис. – Думаешь, в нашем прекрасном Университете дают такое плохое образование, что я не знаю, кто так называет нормальных людей?

Мист выгнула бровь.

– Признай уже, – сощурился Виль. – Ну, давай, это не так трудно. Мы же признались в том, что грабили гробницы. Мы, знаешь ли, не слишком дружим с серыми, так что выдавать тебя нам не с руки.

– Виль, пепел в душу, ты о чем вообще? – встрял Торрен, переводя взгляд с одного на другую. – Чем ее выдавать? Куда?

– Она знает, – уверенно сказал Вейларис. – О чем я.

– Можно, знаешь ли, заслужить прощение за что-нибудь, кого-нибудь неугодного сдав, – нейтрально отозвалась Мист, пристально глядя на Вейлариса, словно оценивая его реакцию.

– Поверь мне, если они раскопают все наши делишки, никакой ценный пленник не перевесит, – хмыкнул Виль. – Ну так я услышу признание? Нет?

– Я подземец, – без выражения сказала Мист.

– Ага! – удовлетворенно резюмировал Виль. – Вот и отгадка.

– Дым и пепел, – выпучил глаза Торрен. – Нет, что, настоящий?

– Нет, карманный, – беззлобно отмахнулась Мист. – Только вот учтите, это настоящая тайна. И ее никому нельзя знать, вообще.

– Голову на плаху, – пообещал Тор на автомате и тут же уточнил. – А в чем проблема-то?

– В том, что они еретики, – радостно сказал Виль, от неожиданного открытия проникший к Мист куда большей симпатией, чем стоило бы.

– Как так? – вздрогнул Торрен. – Какие такие еретики?

– А кто мы еще? Разводим мантикор, сотрудничаем с минотаврами, терпим гнезда гарпий, живем впотьмах, не разводим огня. Церкви к нам ходу нет, мы почитаем Камень и Ночь. К тому же, поскольку фокус святого Амайрила с уничтожением волшебства дорого нам обошелся, мы несколько далеки от того, чтобы его обожать. Кем еще нас назвать, кроме как еретиками?

– Да, – поддакнул Вейларис. – Подземелья вообще стали известны только после чудес святого Амайрила.

– И святой поход на нас объявили немного погодя, да, – немного устало подтвердила Мист. – Когда поняли, что поддерживавшая нашу жизнь магия ушла практически полностью, и мы стали зависеть от вас, наземцев.

– А ведь считается, что вас заперли в подземельях на веки вечные, – добавил Вейларис. – Врут!

– Ну, прям сейчас заперли, – мотнула головой Мист. – Запечатали парочку проходов. Но, во-первых, прорыть новые не такая проблема, а потом... не хочу рушить вашу чистую веру в серых, но мы, вообще-то, с ними торгуем теперь.

– Что-что?

– Торгуем, – невозмутимо продолжила Мист. – Как думаешь, где произрастает дымный лишайник? Ты образованный человек, причем выросший в роскоши, тебе ли не знать.

– Ну, это подземное растение, его в гротах и пещерах выращивают.

– Кто выращивает?

– Э... Стоп, ты хочешь сказать, подземцы?

Мист выгнула бровь.

– И вы продаете его церкви?

– Десять баллов Аркейну, – похвалила его она.

– А почему тогда серые осуждают его распространение? Если сами покупают?

– А вот это тайна великая есть, – доверительно сказала Мист.

– Глядь, да врешь ты все, – отмахнулся Торрен.

Мист равнодушно пожала плечами.

– Но мы от темы отклонились, господа. Получается, у нас серые на хвосте висят?

– Они у нас на хвосте спят, конкретно сейчас, – сморщил нос Вейларис.

– Уже не спят, – внезапно сказал Гронс и, когда все обернулись, убрал руку от лица Скарабея. – Он умер.

– В смысле, умер? – опешил Вейларис. – У меня еще никто так не умирал! От этого не умирают!

– Значит, он умер от чего-то другого, – невозмутимо ответил следопыт. – Но он совершенно определенно мертв.

– Дым и пепел, – выругался Виль, поднялся, подошел к Скарабею и опустился рядом с ним на корточки, разглядывая. Тор, подумав, присоединился к ним.

– Мальчики, а можно мне не подходить? Я все равно в трупах ни пепла не понимаю, – нервно уточнила Мист, но ее никто, конечно, не слушал.

– Может, у него какая-то непереносимость была? – с тоской в голосе спросил Виль, пока Торрен вертел еще не окоченевшее тело туда-сюда, осматривая. – И я его ухлопал вот так.

– Не делай трагедию, – попросил Тор, явно тревожась за душевное спокойствие своего приятеля. Мист, чувствуя себя крайне неприкаянно, подседа в костру подальше от них и стала подкидывать туда веточки. – Ну, бывает. В конце-концов, ты не невинное дитя ухлопал. Знаем мы этих Скарабеев.

– Укус, – внезапно сказал Гронс, перехватив руку Торрена и зафиксировав труп в нужном положении. В самом деле, под задравшейся штаниной была видна неуклюжая повязка со следами крови, под которой обнаружился вскрытый ножом змеиный укус. – Поэтому я его так легко засек. Он был ранен.

– Думаешь, он не выдал весь яд? – с сомнением уточнил Вейларис.

– Думаю, – сказал следопыт. Виль покосился на него в поисках фальши и попытки утешить и снять вину, но Гронс выглядел в точности как обычно, а уж утешениями, хоть и неловкими, обычно занимался Тор, как самый мягкосердечный, несмотря на донельзя разбойничий вид. – Это достаточно трудно.

– Да нам, наверное, вообще повезло, что мы его допросить успели, – добавил Торрен. – И он нам посреди объяснений в пепел не откинулся.

– А что подумают его наниматели, если что? – поинтересовалась Мист со своей стратегической точки размещения.

– Тут вопрос, а что вообще лучше. Если найдут или если не найдут, – сказал Вейларис, пытаюсь стряхнуть меланхолию.

– По мне так лучше б не нашли, – рассудил Тор.

Мист бросила несколько нервный взгляд на труп.

– Может, сжечь его? Ну, или закопать, – неуверенно предложила она, – ну, чтобы не нашли. И лучше прямо сейчас, а то знаю я вас, оставите его тут на ночь... спать.

– Конечно, оставим тут, – на автомате съерничал Вейларис. – Не прогоним же мы бедный маленький трупик ночевать в лес? Ему там будет, может, страшно. Его там, может, даже съедят.

– А тут будет страшно мне! – возмутилась девушка.

– Но зато никого не съедят, – невозмутимо отозвался Торрен, поддерживая немного истерический обмен любезностями.

– Я его унесу подальше и прикопаю, – явно пожалев Мист, предложил Гронс. – Если вы с ним закончили.

– А мы с ним закончили?

– А что бы ты хотел с ним сделать?

– Мародерствовать не будем, – твердо сказал Торрен. – А то они мне потом снятся. Отдай, мол, режик. Отдай, мол, цацку.

– Ты просто нервный, – пожал плечами Вейларис и поднялся. – Уноси тогда, Гронс.

– Гронс у нас гробовщик прям, – Торрен, крикнув, поднялся на ноги и пошел к костру, а их проводник, немисливо для человека выгнувшись, потащил труп Скарабея прочь. Голова незадачливого наемника моталась на бессильной шее возле плеча Гронса, и Мист на мгновение показалось, что его глаза светятся сквозь закрытые веки.

Девушка зябко встряхнулась.

– Холодно? – Торрен глянул на нее, отвлекаясь от попытки соорудить постель.

– Не многовато ли трупов для одного похода?

– Да не, нормально, – Вейларис подсел к костру рядом с ней. – Вот мы как-то один могильник разрывали, вот там было даааа...

Мист беззлобно толкнула его локтем под ребро.

Гронс вернулся не скоро: они успели поесть и обеспокоиться к тому моменту, когда он бесшумно изник из теней и, усевшись рядом с ними, наконец потянул руку за своей миской.

– Плохо тут, – сказал он, немного пожевав. – Кто-то следит, а откуда – не пойму.

– Это как это? – насторожился Вейларис. – Заметил что?

– Нет. Просто чую. Вроде и тихо, не ходит никто, но взгляд на мне. И на вас всех, – описал свои ощущения Гронс.

– Как до ветру ходим, тоже подглядывают? – осведомился Торрен с умным видом, извлекая свой меч и точильный камень, и принимаясь за работу. – Слышь, Мист? Зырят на тебя! Хотя, чего там зырить.

– За это не поручусь, – без тени шутки прокомментировал следопыт. – Это ...старое ощущение, – с трудом подобрал слово он.

– Старое? в каком смысле, старое? На нас старик смотрит? – не понял Вейларис.

– Старый извращенец какой-то? – оживился Торрен.

– За это не поручусь, – повторил Гронс и добавил, неохотно. – Кесе'н маэрос.

– Но это невозможно, – Мист рефлекторно выпрямилась, вытягивая шею, от чего стала похожа на несуразного птенца. – При всем уважении, эр-Эландиль.

– Иан дие. Но я не знаю, как иначе. Не нашел следов.

– Вот и все надежды на спокойную ночь, – вздохнул Вейларис. – Лады. Отдыхать все равно надо. А завтра все найдем, разграбим и свалим из этих непонятных мест. А то тут даже не трупов многовато, а дури всякой пепельной. Давайте отдыхать.

Но, кажется, это никому толком не удалось в эту ночь. Пережевывая так и так слова Гронса, не спала Мист, пытаюсь понять, что же за странности творились вокруг. Тяжело, чутко спал Торрен, не выпуская из рук ножны с мечом. Ворочался с боку на бок Вейларис, которому совесть, все-таки мешала, несмотря ни на что. Ближе к утру, когда была стража Гронса, тот встал со своего места так, словно и не спал вовсе, и, сев спиной к скорее тлеющему, чем горящему костру, уставился в предрассветный туман. Мист встала тоже, устав мучаться, села рядом.

Следопыт некоторое время оставался неподвижным, а потом стал рыться за пазухой, видимо, ища трубку. Но вместо трубки он достал что-то другое: небольшой деревянный чехол, разложив который, стал составлять из деталей флейту. Мист скосила глаза, изнывая от любопытства, но старалась не пялиться уж слишком. Гронс же, составив инструмент, поднес его к губам и долго едва-едва касался его губами и дыханием, словно вспоминая или спрашивая разрешения у себя самого.

Волшебное зеркало смотрело на них, прячась в туманах, и старое волшебство шевелилось где-то недалеко или, может, в душе, которую разбередило первое за много лет обращение по имени. Что полузабытое, стертное снова теплилось, вызывая к жизни мелодию и того самого, настоящего ард-Гроннена эр-Эландиля Аинэ, которого никто не узнал бы в следопыте Гронсе.

Он прижал к губам флейту и заиграл. Тихая, неуверенная, прерывистая мелодия постепенно окрепла и прозрачной дымной струей потекла вокруг их бивуака, смешиваясь с туманом.

Мист слушала, как зачарованная, пытаюсь запомнить каждую ноту, и Торрен приподнялся на локте, а Вейларис продолжал лежать и смотреть в светлеющее небо, пока звучали переливы незнакомой, нездешней музыки.

Они текли и текли вокруг, пока туман не начал рассеиваться, и солнце не показало свой край над миром. Тогда Гронс отнял от губ флейту и начал осторожно складывать, а его слушатели встрепенулись, как от волшебного сна.

– Это...может, эльфы не едят детей? – неуверенно предположил Торрен.

– Едят, – ответил следопыт. Но, прежде, чем Торрен успел сообразить, добавил. – детей птиц, детей зверей. Людей почему-то не едим, – его руки, смуглые от загара, серые от грязи, покрытые ссадинам и царапинами, любовно погладили футляр.

Мист благоговейно наблюдала за его действиями, словно за торжественным ритуалом. Почему-то сейчас Гронс казался ей куда более эльфом, чем раньше, словно какая-то неуловимая другая струна в нем струнулась, заставив его “звенеть” немного по другому. Впрочем, может быть, дело было не в струнах и не во флейтах, и не в чарующей грустной мелодии – просто Мист знала теперь его лучше. Или вообще, в принципе, хоть немного знала. Может быть, когда их путешествие закончится, она сможет поговорить с ним побольше? Расспросить про

эльфов и их быт, про легенды, которые они почти не доверяли книгам и записям, полагаясь на свою безукоризненную нечеловеческую память.

– Эй, хватит мечтать, Мист "Не Зови Меня" Ле Илант, – подтолкнул ее в плечо уже поднявшийся со своего лежбища Вейларис. – Даже если ты мечтаешь о наших сокровищах, лучше не мечтать, а добывать. Давай, давай, шевелись, пора за славой и богатством.

– Давай того, ограничимся богатством, – озабоченно попросил Торрен, деловито сворачивая их лагерь.

– А как же слава? фанфары, торжественные чествования, девушки, бросающие в воздух...ээ...шляпки?

– Обойдусь. А нынче слава она такая – чуть что, и голову на плаху, – проворчал Торрен. – Особливо так за наши безумные дела. Чумная слава!

Мист поежилась. Определение вышло самым что ни на есть страшеньким.

В итоге долгой и невеселой прогулки по скалам, местами практически отвесным, компания путешественников все же достигла небольшой площадки возле вершины нужного близнеца, несмотря на многочисленные попытки Мист взлететь вниз.

Некоторое время постояли на пронизывающем ветру, созерцая просторы равнин и предгорий. После чего Вейларис изобразил светский поклон, приглашая Мист к обследованию территории.

– Я, конечно, ничего тут не вижу, но я не Мист Ле Илант, знаток имен и слов, мастер эльфийской речи и эльфийских загадок.

Мист посмотрела на него своим лучшим учительским взглядом.

– Иногда мне кажется, – медленно сказала она. – Что в нашу теплую компанию затесался безнадежнейший меднолобнейший идиот. Пальцами показывать не буду.

– Потому что показывать пальцем в себя неудобно? – невинно уточнил Вейларис.

Мист страдальчески вздохнула и полезла в сумку за картой и своими заметками. Некоторое время на площадке раздавался только голос ветра, тихое недовольное бормотание Мист и шепот Вейлариса и Торрена, обсуждающих какую-то мировую проблему.

– Итак, – девушка в сотый раз сверилась с компасом. – Это туда.

– А конкретней?

– Ммм... Иди сюда, Виль. Да-да. Встань здесь... Поверни голову. Ничего не замечаешь?

Вейларис хотел было сказать, что нет, ничего не видно, кроме дурацких каменных склонов, как, словно по волшебству, среди завалов породы на площадке пониже, чем они стояли, нарисовались ступеньки, которых совершенно точно не было секунду назад. Видимо, их маскировка между естественными уступами была настолько умелой, что увидеть их можно было только только под определенным углом. И именно такой угол обзора и был от почти-вершины более высокого из близнецов. Сама же башня, видимо, пряталась где-то между ними.

– Клянусь своим мечом, которого у меня никогда не было. Лестница?

– Именно. Так что подумай теперь поскорее о том, как мы будем туда слезать. Лично у меня уже сил никаких нет, – посетовала Мист.

Несмотря на то, что они были уверены, что лестница там, все таки, есть, все они были немного оглушены когда в самом деле, спустившись, смогли поставить ноги на ее ступеньки. Она была узкой – на одного человека, не разминуться. Зато удобно оборонять – так сказал Торрен, оценив ее изгибы и размеры. Тут можно было почти бесконечно отступать, отбивая атаки превосходящих сил. Но и подниматься пришлось почти бесконечно: Мист казалось, что она целую вечность снова и снова поднимает ноги, втаскивая себя на очередную ступеньку, видя перед собой только колышущийся плащ Виля. Даже разговаривать было невозможно, порывы ветра легко уносили в сторону любые слова.

В нескольких местах ступеньки осыпались, и тут Торрен и Гронс оба помогали ей перебираться, страхуя и оберегая, хотя, по хорошему, главное она уже сделала, указала господам приключенцам путь в Башню.

А потом, сразу после последнего провала, очень коварного и неприятного, они внезапно оказались на небольшой, продуваемой всеми ветрами площадке, никакого хода с которой не было.

Кажется, они действительно пришли. Перед ними возвышалась черная громада, на первый взгляд неотличимая от остального темного камня вокруг: никаких стыков, никаких окон, никаких следов рукотворности. Только приглядевшись можно было разглядеть очертания двери – тонкую трещину в монолите, более темную, чем мрак неведения. Мист задумчиво поколупала ее ногтем и пришла к мнению, что ногтем это не открыть.

– И что теперь? – со своей лучшей имитацией неувядающего энтузиазма спросил Торрен.

– Что теперь, – повторил ответил Вейларис. – Теперь Ле Илант покажет какой-нибудь волшебный трюк или иначе проявит свое тайное колдовское могущество. Она же великая волшебница на самом деле, ты, что, не знал?

И они дружно заржали под неодобрительным взглядом Гронса, который, впрочем, тут же резко отвернулся, уставившись куда-то в небо.

– Что там? – тут же встрепенулся Торрен, чувствительный к любой опасности и ее сигналам.

– Что-то приближается, – сказал Гронс и обнажил оружие, кружа возле кромки площадки.

Вейларис чертыхнулся и стал снаряжать арбалет.

– Мист, ты там побыстрее колдуй, – посоветовал он, становясь рядом с Гронсом и вглядываясь в небо.

– Засохни, плесень, – посоветовала ему девушка, вспоминая, что же конкретно было про башню без выхода в обеих историях: и про святого Амайрила, и в “Похождениях мага”. Этот элемент фигурировал и там, и там, и Мист, признаться, изначально считала его метафорическим – но вот поди ж ты, оказался, кажется, вполне географическим.

– Ага, – вспомнила Мист, и, закрыв глаза, принялась шарить по поверхности каменной двери. Если вход был всего-навсего невидим, то он должен был быть осязатим.

Пару раз она оступилась и пару раз ударилась, и, кажется, даже выругалась, абсолютно игнорируя события внешнего для себя мира. В конце концов она все-таки ухватила за невидимую, но вполне реальную на ощупь ручку. Правда, располагалась она не во вполне удобном месте – не склонная к особой вежливости девушка охарактеризовала бы это объемным словом “задница”. Она потянула – но ничего не произошло, видимо, за столько веков дверь просто-напросто заклинило. Или там был какой-то замок, а это было уже хуже.

– Ох, ты ж дым и пепел, – услышала она голос Вейлариса, полный изумления. – Гронс, ты видишь то, что я вижу? Эй?

– Гарденне, – выдохнул Гронс и закричал. – Прочь, прочь, в укрытие!

– Ааа, дым и пепел, это ж что такое, – возопил Торрен, бросаясь к узкому ходу лестницы. Воздух засвистел, и, когда Вейларис глянул между отрогами, скручиваясь за ними, он ясно увидел куда более отчетливо огромные крылья, огромную голову и чудовищную пасть. И все это летело к ним, вернее...к Мист, стоящей на коленях перед каменной стеной и словно бы яростно тянущей ее на себя.

– Мииист! – рывкнул Торрен, пытаясь вскочить, но Гронс оттолкнул его, опрокинув, и рванул чуть ли не прямо перед пастью дракона вперед. Дверь, наконец, поддалась, и Мист, не удержавшись, не рассчитав усилие, удачно завалилась на бок. Металлические когти шкрябнули по камню. Гронс, проскочив между крылом и стеной, резко толкнул поднышающую на ноги и

ничего не соображающую Мист в полный мрак открывшегося хода, но сам не смог увернуться, и челюсти сомкнулись на нем.

– Гронс! – крикнул Вейларис, но этот зов канул во тьме, потому что в этот миг Мист Ле Илант вошла в башню.

Мист Ле Илант вошла...

Мист Ле Илант...

Мист...

Что-то изменилось. Грянул беззвучный гром, но Мист не обратила на него внимания, двигаясь вперед медленно, словно муха в меду, пробиваясь сквозь мгновение, растянутое на вечность. Но и вечности она не заметила, тоже.

И Мист Илант вошла в Башню...

И Мист Ле Илант вошла...

И Мист Ле Илант...

И Мист...

И...

Мист тряхнула головой, отгоняя непрощенные видения, закрыла и открыла глаза, настраивая глаза на подземное особое зрение, и обернулась: тяжелой каменной двери не существовало с этой стороны, никаких трещин, никакой ручки, сплошной камень. И не слышно было ничего тоже.

– Гронс! – попробовала крикнуть она и стукнула по камню. – Виль! Тор!

Глухие удары даже не отзывались эхом, и Мист, рассадив руку, прижала ее к груди. Кажется, дорога назад закрыта?.. Маг в самом деле зачаровал дверь так, чтобы она не выпускала никого, чтобы не выйти самому раньше времени, так? Обе легенды были правы? Но что оставалось делать?

Мист еще раз осмотрела и ощупала стену, но нет – никакой удачи, она была сплошной и на взгляд, и на ощупь, словно никакой двери тут не было, словно ей все показалось. И никаких звуков снаружи не доносилось тоже.

И что было делать?

Они все явно были в беде в тот момент, когда она открыла дверь: она успела разглядеть что-то огромное и страшное, услышать крики, почувствовать страх и панику своих спутников. Но сейчас она заперта, отделена от них: остается только искать выход, и тогда ... тогда пытаться понять, что именно случилось и искать их.

Мист огляделась: она была в тупике, но дальше из него шел коридор, заворачивая буквально через несколько шагов. Мист потеряла рассаженную руку и двинулась туда. За поворотом оказалось начало крутой винтовой лестницы без перил. Ее продолжение терялось за изгибом, и насколько высокой она была, можно было только догадываться.

– Тяжко движенье к свету знаний, – процитировала Мист в попытке себя приободрить, и встала на первую ступеньку, проверяя ее на устойчивость. – Но вновь к невежеству – легко. Пускаясь в путь без оправданий, с собой мы мужество зовем.

Она двигалась и двигалась вверх, методично, ступенька за ступенькой. Основание лестницы скрылось за поворотом сразу же, и остались только ступеньки и каменные стены, отполированные чьими-то руками. Иногда Мист даже не понимала, двигается она или нет, настолько однообразным было все вокруг. Как там ребята, интересно? Они шумели, когда она открывала дверь – ничего там не стряслось?..

– Темновато тут, милая, правда? – спросила у самой себя Мист.

– Правда, темновато, – охотно ответил внезапно какой-то женский голос.

Мист едва не скатилась с лестницы от неожиданности. Вздогнула, дернулась, прижалась спиной к камню, дергая головой.

– Кто здесь? – оригинально спросила она, озираясь

– Я, – ответило ей дуновение дыхания, но больше ничего не было. – Ты же сама со мной заговорила, – попеняло дыхание ей немного обиженно

Мист сглотнула, пытаясь собраться с мыслями. Или она с ума сходит, или это самая настоящая магия.

– Но кто ты? И почему я тебя не вижу?

– Я – сильфида, воздушный дух. У меня нет облика. Разве ты не знаешь? Как ты можешь не знать? И где твой учитель?

– А... Я читала о сильфах. Немного. Чуть-чуть. А все мои учителя в университете, а ты которого имеешь ввиду?

– Так ты не Его ученица?

– Чья “Его”?

– Ар-Маэре. Его. Он ушел и, и все! – обиженно выдула сильфида, обдав Мист холодным воздухом. – А я надеялась, Он тебя послал! Ты же со мной заговорила! А значит, Он обо мне рассказал...

– Так, – Мист взялась обеими руками за голову и немного подержалась за нее. – А давай сначала! Меня зовут Мист Ле Илант, я студентка Университета. А тебя как зовут?

– Ийилива, – кокетливо отозвалась сильфида. – Меня так Он назвал!

– Он, это маг, да? Ар-Маэре. “Достоchtigый маг” из “Похождений мага”?

– Он самый! Весь Эквеллор знает его, – любовно пропел незримый голос.

– А как его полное имя?

– Он ар-Маэрэ, и все знают его так. Рилатара тоже по имени никто не зовет, и его тоже. Он же не какой-то там просто маг, он ар-Маэрэ, единственный, и когда его называют, сомнений нет, о ком идет речь!

– Понятно, – резюмировала Мист и предположила. – Ис-Эйиладд ар-Маэрэ Иллемэйр?

– А не скажу.

– Сама не знаешь?

– Не скажу, – явно обиделась Ийилива. – А зачем ты тогда сюда пришла? Сокровищ тут особо и нет.

– Жаль, мои спутники на них надеялись. А я ищу ... знания. Книги, записи. И еще выход отсюда.

– А из этой башни выхода нет. Она так и называется – Башня без выхода.

– Но сам твой ... ар-Маэрэ выходил отсюда как-то?

– С помощью магии, – отозвался бесплотный голос. – Он творил волшебство. Может, про это есть в его Самой Волшебной Книге?

– Может. А где ее взять? – оживилась Мист.

– Он будет против.

– Он ушел со всеми эльфами прочь с этих земель. Или их изгнали. Не знаю. Но никаких эльфов тут и в помине нет уже много лет. Несколько веков!

Сильфида долго молчала – Мист даже начала волноваться, не ушла ли.

– Ийилива?

– Так вот почему Он не возвращался, – грустно сказала она. – Он совсем ушел. Совсем! А меня оставил. И Книгу бросил? Но как же так? Он не мог. Он не стал бы. Он вернулся бы. Значит, его... у... убили? – слова сильфиды оборвались вполне живым ускользающим всхлипом.

– Ийилива? – снова позвала в пространство Мист, но ответом ей была тишина. Подождав еще немного, девушка снова начала подниматься, обдумывая полученные сведения. В том, что владельцем башни был именно ис-Эйиладд ар-Маэрэ Иллемэйр, она больше не сомневалась. И здесь была его какая-то великая, самая волшебная книга, которая могла помочь ей выбраться, и все это внушало некоторые надежды. Если Мист сумеет найти книгу (а она сумеет! Голову на плаху!), то, может, сумеет и выбраться.

Немного приободренная, Мист снова стала подниматься, на этот раз понимая, что идет не в пустоту, не напрасно, и где-то там, наверху, ее ждет что-то особенное: наследство последнего великого мага Эквеллора, возможно, даже все еще полезное не только, как историческая ценность.

– Ис-Эйиллад, – шепотом сказала Мист. – Ар-Маэрэ, – следующая ступенька. – Иллем-эйр, – снова ступенька. И снова. – Ис-Эйиладд, ар-Маэрэ, Иллемэйр. – Словно заклинание, придающее сил. – ис-Эйиладд, ар-Маэрэ, Иллемэйр.

Ведь это она, она догадалась, додумалась, поняла, где эта башня!.. Она даже до появления карты предполагала ее расположение, изучив хроники и книги. И это открытие звало ее с детства, с тех самых пор, как она нашла обломок шкатулки с изображением башни в руинах в подземельях.

Их было много, этих башен. Она читала про них, про эти форпосты, когда-то якобы соединенные магическими мостами. Их было много – но только в одном из них хранилось последнее наследие великого мага, и сейчас ноги Мист ступали по следам его ног.

Сначала Мист почувствовала словно дыхание ветерка за своей спиной, сбоку, спереди, и этот ветер был полон запаха холодной звездной ночи и солнечной летней реки, и поэтому различим в стоячем сухом воздухе башни.

– А ты найдешь того, кто Его убил? Или почему он умер? Если я помогу тебе найти книгу? – осторожно спросила Ийилива.

Мист остановилась, отдыхая.

– А если я пообещаю узнать, от чего и когда умер твой ар-Маэре, ты мне сможешь найти книгу и выход? – перевернула вопрос девушка. Так как она все равно собиралась после диплома заняться более плотно вопросом истории исхода эльфов, это обещание ей даже ничего бы не стоило.

– Да. Пообещай, – твердо сказал волшебный голос.

– Обещаю узнать, когда и почему умер ис-Эйиладд ар-Маэре Иллемэйр, – сказала Мист, и мир не дрогнул в подтверждении ее слов, хотя обеты в легендах всегда вызывали отклик у мира. Просто, может, мир был теперь другим?..

– Хорошо, – грустно, едва слышно отозвалась Ийилива. – Книга в одной из четырех верхних комнат. Но я туда сама попасть не могу. Наверное, двери как-то по особому запечатаны...

– Ага, чтобы сильфы не летали без толку, правильно, я бы тоже так сделала. Нечего всяким тут летать, – проворчала Мист, снова начиная подниматься, и чувствуя на этот раз незримое присутствие сильфиды. Та только вздохнула.

– Пусть ты будешь, все-таки, как будто его ученица, – сказала она чуть позже. – Так проще. Ты же и будешь как будто его ученица, когда возьмешь книгу, правда?

Мист дернула носом и чихнула.

– Вроде того, – магии больше нет, поэтому она будет преемницей совершенно бессмысленных знаний, по большей части. Но, даже если они потеряли магическую силу, они сохраняют другую, они остаются знаниями. И хорошо бы там, все-таки, был нормальный, действенный способ отсюда выйти, например, план башни с потайной дверью.

– Значит, ты тер-Маэрэ, – заключила Ийилива, судя по току воздуха, кружа вокруг Мист.

– Пару дней назад меня обтитуловали как тер-Иандэ, – вздохнула Мист, и сердце кольнуло. Как там ее спутники? Эр-Эландиль, Виль, Тор? – Ну, тер-Маэрэ, так тер-Маэрэ. И долго еще мне, цельной тер-Маэрэ, подниматься? Ноги у меня, тер-Маэрэ, болят уже.

– Не очень долго, – с готовностью отозвалась сильфида. – совсем нет.

– А сколько ты уже одна в этой башне? – спросила Мист, пыхтя, продолжая свой путь наверх.

– Давноооо, – потянула сильфида, и ее голос упал до свиста воздуха. – Так давно! Но я словно спала, и видела воздух и скалы. А сколько это было дней, сколько ночей и лет, я не знаю, я потеряла счет.

– Триста?

– Или пятьсот, может быть, – отозвалась Ийилива. – Я не знаю, тер-Маэрэ.

Мист вздохнула и все-таки спросила.

– А ты можешь выглядывать наружу?

– Немного. Ты хочешь, чтобы я что-то посмотрела для тебя?

– Да. Когда я входила в башню, снаружи остались три моих спутника. Один эльф, эр-Эландиль, ард-Гроннен эр-Эландиль Аинэ, и два человека. Можешь посмотреть, как они?

– Сейчас гляну, – отозвалась сильфида, и Мист почувствовала, как водоворот воздуха метнулся вверх.

– Пусть с ними будет все хорошо, и они сидят там, ждут меня, – попросила Мист в пустоту, почему-то плохо веря, что ее слова окажутся правдой на проверку.

Но они же опытные приключенцы, и не в таких заварушках бывали, уговаривала она себя, продолжая подниматься ступенька за ступенькой, пока не очутилась в довольно просторной комнате, освещенной из высоких, узких бойниц где-то высоко вверху.

Первым, что бросилось Мист в глаза, был постамент посреди зала, на котором была размещена черная четырехгранная пирамида. Мист обошла ее по кругу, изучая, и только потом обратила внимание на все остальное.

Комната выглядела... почти жилой. Стояла кровать с небрежно стянутым на пол одеялом, из раскрытого скособоченного шкафа частично вывалена одежда, в углу – большое круглое зеркало в узорчатой раме с ножками ... в сухом и теплом воздухе башни все сохранилось прекрасно, хоть и покрылось толстым слоем пыли, и Мист, словно зачарованная, с интересом склонилась над расправленным на кресле плащом из кожи, протянула палец, тронула кромку. Материал не рассыпался под прикосновением, но Мист ощутила его возраст, его усталость, понимая, что носить эту вещь уже никто и никогда не сможет. А когда-то это, явно был любимый плащ ар-Маэрэ Иллемэйра: Мист могла себе представить, как он пришел откуда-то, и, бросив небрежно в сторону суму – вон она, валяется, любимый плащ заботливо разложил для просушки. А вот и сапоги – один валяется у кровати, второй посреди комнаты. Видимо, хозяин пришел и тут же кинулся на постель, спать. Мист осторожно тронула плащ напоследок и подошла к кровати. За ней высилась батарея пустых, иногда битых винных бутылок: как и говорила “Радуга”, ар-Маэрэ был не воздержан в питье, судя по всему. Почему-то это свидетельство характера и привычек древнего мага одновременно умилило и болезненно кольнуло душу: что же произошло потом? Мист провела ладонью по смятой подушке, подняла с нее длинный темный волос, посмотрела на свет, падающий сюда из высоких узких стрельчатых окон. Волос давно потерял яркость, блеск и мягкость, но было еще заметно, что его настоящий цвет – красный, как свернувшаяся кровь, и когда-то он был волнистым. Девушка вспомнила лубочную картинку из “Радуги”, где ар-Маэрэ изгонял демонов пепла и крыс из погреба: на ней маг был изображен с длинными красными волосами, похожими на языки пламени. Удивительно – он таким и был. Неужели вообще все в этой книге “сказок и легенд”, памятнике фольклора ушедшего народа, было правдой?... Мист накрутила красный волос на палец, сворачивая колечком, и бережно прибрала в карман. В этом было, наверное, что-то ненормальное, но ей казалось неправильным просто выбросить эту частичку прошлого, или положить обратно. Разгладив немного смятую постель, Мист нашла несколько эльфийских заколок, которые, вероятно, выпали из волос мага, и одну сережку, но никакого решения для вопроса о том, что же случилось. Как будто маг спокойно спал, упав на кровать одетым после вечернего возлияния, а потом его разбудили, позвали откуда-то... снизу, может?... И он, стащив себя с кровати и даже не оправив ее, пошел куда-то...откуда уже не вернулся. Что же могло случиться?...

Поправив пыльную подушку, Мист заглянула под кровать, где было только еще больше бутылок, какие-то коробки и корзинки, и сунула нос в бумаги на столе. Они даже не пожелтели, но в этих торопливых заметках на эльфийском, со множеством зачеркиваний и точек, Мист понимала только рисунки на полях: почерк мага был ужасен и требовал привычки для расшифровки. Тем не менее, девушка деловито собрала все листы, сложила между двумя плотными кусками картона, чтобы забрать с собой и рассмотреть позже. В одном из углов, за зеркалом, нашелся разбитый струнный инструмент, о котором в “Радуге” тоже писали, и одинокий дражный сапог. Мист даже хихикнула: маг и вправду был вспыльчив и неаккуратен. Сколько ему было лет, когда он стал мастером-магом, если сравнить с людьми? Семнадцать? Девятнадцать? Вряд ли больше. Вряд ли он был старше.

Само зеркало было темным, и отражало все вокруг словно покрытым сумраком или слоем затхлой пыли: Мист совсем не понравился этот эффект, поэтому она отошла от зеркала, проходя мимо одной из четырех дверей, ведущих, видимо, в те комнаты, о которых говорила Ийилива. Кроме настоящих дверей в зале был один муляж: в стене была вырезан барельеф, изображающий дверной косяк, с углублением в виде пятерни посередине “дверного полотна”. Все двери были закрыты, но Мист не решилась пока проверять, заперты ли они для нее, ожидая возвращения сильфиды. Вместо этого она попереставляла на столике рядом с зеркалом какие-то баночки, все еще смутно пахнущие цветами и заглянула в распяленный шкаф.

– Зачем же вы, досточтимый маг, так напихали туда вещей, что бедный шкаф стошнило? – тихонько пошутила она, перебирая вещи, отмеченные той же печатью усталости от времени, что и плащ на кресле. Настоящие эльфийские вещи! Из тех артефактов, которые эльфы оставили, уходя в неизвестность, большую часть серые уничтожили, и Мист подозревала, что еще буквально сотня лет – и все, ни о каких эльфах никто и не вспомнит, ведь и сейчас уже они казались смутной сказкой. Но сегодня сказка снова обрела плоть, как когда-то давно, когда она стояла в руинах очень похожей черной башни в подземелье и держала в руках свою первую находку родом из давних времен. Но сейчас вокруг были не руины, не обломки – живое дыхание почти что ощущалось здесь, касалось ее, словно ар-Маэрэ только вышел, и скоро вернется.

Кроме того, что нет, не вернется. И вот эта туника из мягкой гладкой ткани, отделанная золотом, никогда уже не послужит своему хозяину. И эта дивная рубашка из тонкого полотна, с пятном от соуса прямо на груди.

– Да Вы неряха, ар-Маэрэ, – Мист приложила рубашку к тунике, и добавила туда штаны, пытаясь лучше представить себе мага. Кажется, он был высоким, вопреки распространенному мнению о низкорослости эльфов. По крайней мере, не ниже самой Мист. Высокий, с красными волосами, и надменным прекрасным эльфийским лицом – жаль, зеркало не сохранило его отражение, тогда картина стала бы полной.

– Он не очень бережлив, – прошелестел сзади тихий голос. Мист дернулась, подпрыгнув и развернувшись, но там никого не оказалось, Вернее, не было видно.

– Ийилива? Ты нашла моих?

– Одного мальчика. Очень молодого, как ты, мальчика, тер-Маэрэ, человечка. Он прятался, пытался спуститься по склону. Я его поймала, я его опустила на землю, но я с ним не говорила.

– Один? – нахмурилась Мист. – Как он выглядел?

– Темный, большой. Лохматый. Он плакал, ему было грустно, но он меня не слышал, когда я ему прошептала, и испугался моего прикосновения. Но я его оставила подальше от того, чего он боялся.

– А чего он боялся? – уточнила Мист, прикидывая, что там могло быть и случиться. – Он был вооружен?

– Да, с большим мечом. Там дракон летает, тер-Маэрэ.

– Дракон? – опешила Мист. – никаких драконов давным-давно нет, Йилива.
– Ты это ему скажешь, – пообещала сильфида. – А я посмотрю. И вообще, с чего бы это драконам исчезнуть?

– С того, что они не могут существовать без магии. А магию святой Амайрил уничтожил.
– Вот дурак, – безапелляционно сказала сильфида. – А как тогда я существую?
– Да кто тебя разберет, – нахмурилась Мист. Большой, темный, лохматый и с большим мечом – из ее троих спутников это мог быть только Торрен. Вейларис был тонкий и русоволосый, похожий на эльфов из “Радуги”, а Гронс и был эльфом, и уж точно не юным, так что Йилива так и сказала бы.

– А еще там кого-то по стенке у входа размазало, – добавила та, кружа вокруг Мист легким дуновением.

Девушка заледенела.

– Как это размазало?

– Ну, там кровь, внутренности. Видимо, дракон кого-то в стену впечатал. Фу. Никакого представления о гигиене. Наверное, это очень невоспитанный дракон.

Руки Мист медленно опустились на ткань туники, лежащую у нее на коленях.

Кто там умер, эр-Эландиль? Вейларис?.. Оба? А если один, то куда делся еще один? Дракон сожрал? Или украл?..

– Больше ничего не заметила? – контролируя свой голос, спросила Мист. Но в конце предложения все равно получилась какая-то каша.

– Нет, да я и не могу далеко от башни отлететь, – посетовала сильфида. – А то я бы твоего лохматого подальше проводила.

– Мне надо... побыстрее тут во всем разобраться, – хрипло сказала Мист и стала подниматься. – Найти книгу, и выбратья, и отыскать Торрена, и узнать, что... что там случилось, – она потеряла дыхание посреди фразы.

– Дракон там случился.

– Которого не бывает.

– Ему это скажи, – отпарировала Йилива.

– Что за этими дверями? – Мист сделала над собой усилие, пытаясь заставить себя думать о насущной проблеме, нарочно отвлекая себя от панических, полных ужаса мыслей. Не слишком ли ярко и быстро оживали древние сказки перед ее глазами?

– Вообще-то, просто комнаты. Ар-Маэрэ ими не очень много пользовался. Вон, у него даже лоханка для мытья тут за ширмой. А комнаты стояли почти пустые, он туда баракло для экспериментов складывает. А потом он что-то там понаделал, меня все отгонял, как муху. И потом поставил эту штуку в середине, сказал, мол, для будущих поколений загадка и испытание.

– Только испытания мне не хватало, – вздохнула Мист, останавливаясь напротив первой по ходу движения двери. Она была из тяжелого темного дерева, и на центральной доске было выжжено изображение мантихора. – Ну, что, вперед, назад?

– Не знаю. Решать тебе. Нравится эта дверь?

– Да. Зверек симпатичный нарисован. Мантихор.

– Мантихоры – очень опасные звери.

– Но-но! То, что на двери оно нарисовано, не означает, что оно там должно сидеть, – ободрила себя Мист. – Тем более, ты видела, чтобы ар-Маэрэ сюда тянул зверя на поводке?

– Нет. Но это ничего не значит – ар-Маэрэ вполне мог призвать его прямо туда.

Мист поджала губы и решительно шагнула к двери и потянула за ручку. Раздался противный скрип, и девушка уставилась в кромешную тьму, постепенно привыкая к отсутствию освещения.

– Вроде тихо, – неуверенно пропела сильфида.

– Вроде тоже.

– Темно.

– Угу.

– Темно.

– Да что ты заладила?

– Страшно ведь, Мист.

– Не знала, что сильфы темноты боятся, – вздохнула девушка, оглядывая комнату. В центре нее было что-то еще более темное, чем остальной мрак, чем обломки и мелкие предметы, раскиданные по полу. Мист до рези в глазах напрягла ночное зрение, свойственное всем жителям подземелья.

– А, вот и Мантихор! – сказала она.

– Где? – взволнованно вскрикнула Ийилива.

– Там, в середине. Только он каменный, не бойсь...

– Я не вижу ничего! Почему ты видишь, а я – нет?

– Я родилась под землей, в подземном городе, – второй раз за короткое время рассказала Мист, и сердце снова болезненно кольнуло. – Все подземцы умеют видеть даже при самом малом освещении, как троглодиты... и остальные, кто живет под землей.

– Трогло-кто?

– Троглодиты – коренные жители подземелий. Люди ведь туда потом пришли... Люди везде пришли и нагадили.

– А как же дворфы, разве не они – настоящие жители подземелий?

– Нет, эти, скорее, подгорные, – уверенно ответила Мист. – По крайней мере, ни одного дворфа я в Подземельях не видела, никогда. А вот в пригорных городах – случилось, – девушка стала по кругу обходить комнату, в пыльной темноте изучая ее. Она пыталась вспомнить, как должен себя вести человек, всю свою жизнь посвятивший разграблению чужих домов: принялась деловито простукивать стены, отодвигать гобелены и портьеры, поднимать ковры. Однако, ничего, даже отдаленно похожего на книгу, не нашла: только несколько отдельных скомканных листков, которые она заботливо прибрала к остальной бумажной добыче, и кучу драной одежды и битой посуды. К ее вящему удивлению, никаких других крупных предметов, кроме каменного зверя, в помещении не оказалось.

– Нету книги? – спросила Ийилива, прохладным коконом свиваясь вокруг плеч Мист.

– Нету. Ты бы так не сидела на мне, а то прямо как горе из легенды про Злосчастный дух. Сильфида довольно расхохоталась.

– А ты думаешь, кто у этого царька на загривке ездил, когда ар-Маэрэ его проклял?

Мист остановилась, пялясь на каменного мантихора.

– То есть, ты хочешь сказать, что, во-первых, эта история – чистая правда..?

– А ну так, – кокетливо отозвалась сильфида.

– И ар-Маэрэ вовсе не чары-проклятье навел, а тебя на него посадил?

– А ты что думала, правда, что ли, неудача бывает персонифицированной, что ли? Заклятье-то он тоже повесил, на невезение, но я добавляла. Живое присутствие, так сказать.

– Ты – то еще горюшко, – прокомментировала Мист и отсутствующе погладила каменную статую по боку.

Темнота мигнула и изменилась.

В первый момент Мист толком не сообразила даже, что что-то произошло, моргнула пару раз, но мир обратно не встал.

– По моему, мы уже не в башне.

– Совсем не в башне, – подтвердила Ийилива.

– Может, ты, все-таки, в самом деле “горе”, а? – нервно пошутила Мист, переступая с ноги на ногу и инстинктивно пригибаясь, расставляя ноги шире и напружинивая. И только

потом сообразила, что ее тело быстрее головы поняло, где именно они оказались. Это была родина. Подземелья.

– Не обзывайся, – жалобно попросила сильфида.

– Это не обзывательство, – на несколько тонов ниже, чем раньше, сказала Мист. – Это, вообще, натурально, титул. Легендарный Злосчастный Дух Горя. Как звучит?

– Не очень, – ответила Ийилива. – Будет неловко спросить, где мы?

– Конкретно не отвечу, но в целом – это Подземелья, не знаю, какая часть. Другой вопрос, как мы попали-то сюда?

– А, ну это я могу рассказать. Видимо, статуя была из разделенного камня.

– С этого момента – подробнее. Не упуская занудных деталей, но очень, очень тихо, – попросила Мист, оглядываясь, прислушиваясь и принохиваясь.

– Это такой камень, – умно ответила сильфида и замолчала.

– Да ну?

– Серьезно. Такой камень: он наделен осознанием себя и памятью, и, если его поделить, будет стремиться к другой своей части.

– Никогда не слышала, – одобрительно сказала Мист, кружа по небольшому пятаку. – И где тогда вторая половина? Ведь, получается, нам ее надо найти, чтобы коснуться и перенестись обратно?

– Точно. Но он не обязательно прямо здесь. Может быть немного вдалеке. Это так можно настроить, и ар-Маэрэ это умел. Наверное, он специально сделал? Чтобы ты тут что-то нашла.

– Или в ловушку попала.

– Недостойные – в ловушку. А ты – найдешь, – уверенно сказала сильфида. – Ты тер-Маэрэ.

– Тер-Маэрэ, дым и пепел, – проворчала Мист. Из маленького зала вело три прохода, но Мист была плюс минус уверена, что два из них заканчивались тупиками, и только один уходит дальше, чем на полчаса хода, изгибаясь. Вот только не факт, что им нужен был именно длинный проход. – Тут три выхода, из них – два тупика. Как думаешь, какой путь бы твой ар-Маэрэ приготовил для... решения?

– Длинный. Он же не знал, что ты будешь подземец и сразу поймешь куда идти, – не задумываясь, ответила Ийилива.

– Логично, – согласилась Мист. – Такой подставы ни один эльф не ожидает.

– Эолен, – педантично поправила Ийилива. – Все-таки, они называют себя эолен.

– А мы называем себя шаэ-дирн, но кого это волнует? На вестроне мы – подземцы. А Эолен – эльфы. А то так и дворфов надо тергвар называть.

– Было бы красивей, – фыркнула сильфида. – На вестроне слова не такие благозвучные.

– Как будто людей в не-человеческих языках как-то благозвучно называют!

– Ваэрле, на языке эолен.

– И что это значит?

– Ну, “торопыги”. Как-то так.

– А “эльфы” на вестроне значит – волшебные. Так что не жужжи, – добродушно ответила Мист и решительно двинулась в один из тупиковых проходов. Если она что и понимала в приключениях, так это то, что самый прямой путь – не всегда самый верный. Торрен и Вейларис точно бы влезли во все углы и щели, прежде чем идти к цели.

– Я не жужжу, я не муха, – обиделась Ийилива и замолчала.

Мист недовольно оглянулась себе за спину, но Ийилivu, естественно, не увидела, поэтому просто продолжила идти вперед, касаясь кончиками пальцев одной стены. Коридор был даже не вырублен, а, скорее, проплавлен в камне, но какой силой можно было это сделать? Ручным драконом, что ли?

– А что мы будем делать, если встретим мантихора? – над ухом девушки спросила сильфида, которой, видимо, надоело дуться.

– Спасаться. Отважным, быстрым бегством, – предположила Мист. – Скажи, а ар-Маэрэ умел управлять огнем?

– О, конечно, умел. Ему были подвластны все стихии, а что?

– Коридор выглядит проплавленным. Я бы предположила, что дракон проковырял и дыкнул, но зачем дракону заниматься такой ерундой?

– Ар-Маэрэ мог приказать, попросить, – предположила Ийилива. – Он хорошо понимал драконов, даже самых злобных. Но я точно не знаю, как он это все сделал. Я толком и не знала, что он это вообще сделал! Вот почему он меня не пускал смотреть? Я бы тогда могла тебе помочь.

– Вот потому, наверное, и не пускал, – вздохнула девушка. Впереди она не чувала ничего живого, никакого движения, и это внушало некоторые надежды на временную безопасность. Жалко, с ней не было Торрена с его большим мечом. Или Вейлариса с арбалетом. Или эр-Эландиля с его длинными кинжалами... Ощувив очередной приступ острой паники и тоски, Мист решительно запретила себе думать в этом направлении. Она вообще могла быть тут одна! Счастье, что у нее есть хотя бы Ийилива. Коридор закончился тупиком, как Мист того и ожидала. Но, что обиднее, там не оказалось вообще ничего, ни устрашающих ловушек, ни сокровищ – просто пыль и паутина.

– Пыль и пепел, – вздохнула девушка.

– То есть, ты не угадала, да? Тут тупик. Мы неправильно шли?

– Мы правильно шли. В смысле, я знала, что тут тупик. Но надеялась, что ар-Маэрэ оставил что-то и на неправильных путях. Подсказки, что ли, или намеки, хотя бы... насмешки?..

– А вот зря время потеряли, – недовольно просвистела сильфида. – Он бы такого делать не стал!

– Почему это? если хотя бы половина из того, что написано в “Интерере ар-Маэрэ”, правда, запросто. А судя по тому, что я успела от тебя узнать, эта книга правдива если не полностью, то в значительной степени.

– Ладно, – сдалась Ийилива. – Стал бы. Но только почему-то не стал. Разве что, ему к этому моменту все надоело?..

– Думаешь, это не единственный сюрприз?

– Уверена, – прошелестело в ответ. Мист преувеличенно громко вздохнула, двигаясь по коридору в обратном направлении.

– То есть, думаешь, во второй тупик не ходить?

– Время только потеряем. Да и чего ты ждешь, сокровищ, что ли?

– А почему нет? Мои... спутники, вон, очень надеялись на них.

Сильфида издала странный звук, среднее между смешком и фырканьем.

– Сокровищница у ар-Маэрэ в другой башне была, тер-Маэрэ.

– А в какой? -оживилась Мист.

– Во второй горной, – не задумываясь, ответила сильфида.

– А это где?

– А я почему знаю?

– Ну, ты же знаешь, где сокровища!

– Я знаю название башни, но это не значит, что я знаю, где она! Ар-Маэрэ меня туда не брал с собой, а я только по приказу маэрэ могу покидать место призыва.

– А как называется башня, где мы встретились? И сколько башен всего?

– Моя башня называется Атайн. А сколько всего, кто ж знает? Все багровые маги строили их, строили...каждый не по одной. И все это переходило к следующему в его черед. А про-

шлый, ар-Маэрэ жаловался, не то, что записей не оставил, сам много чего уничтожил. Смутные были времена.

– Сейчас не лучше, – проворчала Мист, складывая новые сведения в копилку. Нет, она, конечно, представляла себе, что Эквеллор недаром называют землей башен, но этот аспект истории был ей неизвестен.

– Да, – рассмеялась сильфида. Вернее, Мист решила, что это смех – звук был похож на трели серебристого колокольца на ветру. – Тер-Маэрэ из подземцев, которая ищет наследие учителя, которого никогда не знала!

Мист задумчиво почесала нос, примеряя на себя эту легенду.

– Когда-нибудь это все перевернут в учебниках, – пообещала она. – Если я-таки выживу и побед. . . побед. . . одержу победу и смогу писать историю сама.

– А кого надо победить? – оживилась сильфида.

– Не знаю. Кого-нибудь, – хихикнула Мист, продолжая свой путь в кромешной тьме. Это было почти как дома, поэтому совсем не страшно. Впрочем, когда они миновали развилку и пошли дальше по единственному “не-слепому” коридору, она все равно стала двигаться осторожней и тише, постепенно все более отчетливо чувствуя присутствие чего-то впереди. Кого-то. Постепенно ее продвижение замедлилось совсем, она почти кралась, прислушиваясь к каждому отзвуку и шороху. А впереди явно что-то шевелилось, хоть и слабо: лежало и спало, возможно?

– Там мантихор? – возбужденным, но едва слышным шепотом раздалось у нее над ухом.

– Вот ты мне и скажи, – почти одними губами сказала Мист.

– Ой. Сейчас, – пообещала Ийлива. – Я осторожненько гляну.

Но, видимо, с “осторожненько” что-то не заладилось. Первые пару минут Мист тревожно вслушивалась в голос воздуха, его течение, изменения, а потом резко поняла – все, не сдохнуть бы, дым и пепел, во цвете лет, так и не найдя чертову книгу и не узнав, что же случилось снаружи. Сначала она почувствовала просто движение оттуда, спереди, а потом привычка подземца нарисовала перед ней живую картину происходящего: вот он, мантихор, недовольно поводит носом и крылом, и открывает глаз, и тянет воздух, и тянется . . . и рычит! Рык разнесся по пустынному тоннелю, и следом за ним – дикий нечеловеческий вопль Ийливы, донельзя испуганной зверем, который даже не мог ее коснуться.

– Ну, ладно же, Мист Ле Илант, – сказала себе Мист и встала поперек прохода, собираясь с силами и воспоминаниями.

В конце концов, она, что, мантихоров не видела?.. Какой обычный наземец, вроде ее спутников, может, и не видел, но она не зря выбрала именно эту дверь: именно против мантихора у нее были шансы не просто выстоять – победить, потому что у подземцев есть свои трюки против тварей глубин.

Никто лучше подземцев, рожденных и растущих в опасности, не осознает возможностей самых простых вещей, никто лучше не ищет тайные смыслы и связи явлений. Ни одна неработающая примета, ни один не всегда срабатывающий трюк не пройдет горнило постоянного напряжения и ожидания атаки, которым стало Подземелье после исчезновения магии. И только там все доподлинно знали, что остатки, крохи самого древнего волшебства, рассеянные по всему миру, можно собрать, если хватит воли, и поставить себе на службу. Самые древние слова, песни и считалки, передающиеся из поколения в поколение, обкатанные веками применений, во всех мирах хранят в себе зерна заклинаний и древнего волшебства. И некоторые из них продолжали работать и в мире без магии, созданном откровением святого Амайрилы.

Мимо Мист и частично сквозь нее пронесся поток холодного испуганного дыхания, следом пахнуло разгоряченным зверем, и, припадая на мягкие лапы, из-за поворота коридора вылетел крупный мантихор, в точности такой, как статуя в комнате башни. Девушка подобра-

лась, вскинула руки вперед, словно защищаясь, и заговорила, очень быстро нанизывая слова друг на друга, концентрируясь на них, а не на несущейся к ней опасности.

– Ты беги, Мантихор,
В основаниях гор,
Уходи, Мантихор,
Да откуда пришел,
Тебя вечною тьмою
Заклинаю к покою.
Камнем был ты рожден –
Возвращайся в него!

Мантихор рыкнул – и рык застыл на половине. Сам зверь замер в полупрыжке, нелепо завалился наземь с гулким звуком и раскололся пополам. Чудовищный зверь окаменел.

За спиной Мист пискнуло, оттуда потянуло испуганным теплом.

– Ийилива?

– Что ты с ним сделала? – требовательно спросила сильфида. – Ты ... ты правда тер-Маэрэ! Я не ошиблась! Не ошиблась!

– Да не волшебство это. А просто, ну, слова имеют силу, сами по себе, не все слова, конечно, – объяснила Мист, с опаской подходя к мантихору ближе.

– Да уж, не волшебство. А что ты тогда с ним сделала?

– Вернула в камень, всего лишь. Понимаешь, – Мист присела на корточки, разглядывая разваленное на две половины тело. – Видишь ли, мантихоры рождаются из камня. Это не слишком аппетитно, но, в общем, если на особый камень, который готов изменить форму, попадают человеческие кости или кровь, он оживает.

– Что за такой особый камень? – недоверчиво уточнила Ийилива, судя по колебаниям воздуха, нарезая круги вокруг головы Мист.

– Ну, он почти живой, – попробовала объяснить Мист. – Мы, подземцы, считаем, что это все от старого колдовства. Если оно проникало в землю и резонировало в камне, этот камень приобретал душу магии – душу дикого, неуправляемого зверя. А потом камень зреет, зреет, как яйцо... И превращается в мантихора. А если мантихор проживет очень долго, он превращается в скорпихора – и его яд становится смертельным.

– Какой кошмар! Их же надо искать и ... убивать! Пока не стали смертельными.

– Зачем? Мы их ищем, это правда. На фазе зреющих камней ищем, и мелких еще. Но не убиваем, конечно, а дрессируем, и потом они у нас город охраняют, чем плохо?

– Но они же опасные!

– А мы еще опаснее. Да как будто ар-Маэрэ был просто цветик, что за человек.

– Твоя правда, – выдохнула едва теплым воздухом Ийилива, и свернулась у Мист на шею почти привычным ощущением.

Мист дотронулась до разбитого каменного зверя и мир мигнул снова.

– Да что это, – выругалась она. – Пепел в душу, опять? – дезориентированная, она осмотрелась в темноте.

– Мы снова в башне, – прокомментировала сильфида.

– Точно. Вон выход в центральную комнату, только, наверное, стемнело уже, едва светится, – Мист стала подниматься, опираясь на пол, и пальцами задела что-то, отличающееся по фактуре от остального пола. Подцепив странный предмет, она обнаружила, что это плоский равнососторонний треугольник из чего-то, похожего на перламутр. – Это еще что?

– О, он такой же формы, как стенки пирамиды в той комнате, – радостно сказала сильфида. – давай, пошли, приложим!

Мист спорить не стала – из крошечной тьмы боковой комнаты вышла в погруженную в густой сумрак центральную, и остановилась рядом с пьедесталом. Прикинула – действительно, форма, и даже размер ее треугольника совпадал с гранью пирамиды.

– Прислони к ней? Напротив двери с мантихором. Ты заметила, грани пирамиды точно указывают на двери комнат?

– Это загадка, что ли, такая? – проворчала Мист и осторожно приложила. Перламутр словно приклеился к темной поверхности, но больше ничего не произошло.

– Дальше, видимо, надо пройти остальные три комнаты? – предположила Мист. – Добыть там еще по такому треугольнику. Наверное, это своего рода ключи.

– И каждой комнате будет такой страж, какой на двери нарисован.

– Ничего радостного, – резюмировала Мист. – Потому что, кто там есть? Ифрит, Джинн

...

– И гидра.

– Ох, – Мист вздохнула и потерла лоб.

– Может, тебе отдохнуть? А утром продолжишь, – заботливо предложила сильфида.

Мист критически оглядела комнату.

– И как я тут буду отдыхать?

– Ну, кровать есть. Не хочешь на кровать – возьми пледы, на полу ложись.

Девушка поежилась при мысли о том, чтобы улечься в кровать мертвеца. Пледы явно выглядели безопаснее.

– Ладно. Давай отдохну. Жрать еще хочется, и пить, но из еды у меня сухари в сумке, а воды нет.

– Тут есть вода. За ширмой кран, отвинтишь – пойдет. Ар-Маэрэ вывел туда горный ручей, чтобы не ходить далеко за водой.

– Какой умный, – одобрительно сказала Мист. – Уважаю его все больше. Он правда был ...раздражительный?

– Может. Мне трудно судить, – неопределенно отозвалась сильфида.

Справив свои нехитрые гигиенические потребности в этом легендарном, полумифическом месте, Мист почувствовала себя спокойней, словно простые бытовые действия снимали ореол сакральности с древнего здания и отбрасывали ощущение замершего времени. Впрочем, улечься в пыльную постель, оставленную в таком виде триста лет назад, она так и не решилась, только придирчиво выбрала самые целые и мало поеденные временем пледы, обустроив себе гнездо на полу.

– Тут не дует? – деловито спросила она, огораживая место своего сна рядом с кроватью ар-Маэрэ ширмой.

– Нет. Ну и я буду тебя греть. Я всегда грела Его, когда он забывал магией подогреть комнату.

– И такое случалось? – Мист разулась и стала пытаться улечься.

– Да, Он, – сильфида обвила ее холодным дыханием, и начала медленно теплеть. – Иногда приходил не в себе. Бросал сапогами в стену, падал на кровать и спал. И если бы я Его не грела, проснулся бы утром простуженным.

– В тот день, когда он ушел последний раз, он тоже так спал?

– Да. Еще и бутылку в стену кинул, – почти обиженно пробормотала Ийилива. – напугал! А утром Его позвали, и Он побежал, толком не проснувшись.

– Понятно, – Мист закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на всей информации сегодняшнего дня и понять, что еще жизненно необходимо спросить у Ийиливы, неожиданного живого свидетеля тех времен, но перегруженный рассудок отказывался думать целыми и законченными мыслями, поэтому Мист быстро соскользнула в сон, который оказался удивительно крепким, учитывая все условия.

И совсем не удивительно, что в ночных тревожных грезах ей виделись черные башни, парящие в небесах драконы и рыжеволосый эльф, который манил ее за собой через проход в каменной арке с отпечатком ладони. Мист только смутно успела вспомнить, что никакого прохода там нет, как уверенно вложила свою ладонь в руку эльфа и последовала за ним в тягучий, густой и серый воздух перехода.

– Таласси, – сказал он, и вокруг оказалась другая башня, похожая на первую, только в ней была лаборатория. Обойдя с Мист зал по кругу, эльф за кончики пальцев снова подвел ее к глухой арке, через которую они пришли, и втянул за собой в новый круговорот сумрака. – Эмрис, – в этой башне было пусто и темно, только одинокий волшебный фонарь качался на ветру. – Синвейл, – новое слово, словно код, словно шифр, и новая башня. Их было много, бесконечное множество, и Мист шагала по ним, запоминая одни и не запоминая другие, и фантазм с длинными, волнистыми красными волосами вел ее за собой, неуклонно, бесконечно, целиком владея ее вниманием.

Мист проснулась легко и просто, отлично понимая с первой секунды кто она, где она и что было вчера. Просто проснулась и села, и посмотрела вокруг. В тонком утреннем свете из окон-бойниц комната выглядела почти жилой.

– А ар-Маэрэ только естественным светом пользовался? Или лампы какие-то были? – спросила Мист, чтобы не думать о куда более серьезных вещах, о поиске книги, о судьбах своих спутников. Особенно о последнем.

– Конечно, он подсвечивал магией. Ему не нравились свечи, – охотно отозвалась Ийилива.

– Разве частое использование магии не истощает? Я читала, что маги не тратили силу напрасно, копили, чтоб хватало на большие дела и мощные заклинания.

– Ар-Маэрэ это не утомляло. Он был очень сильным магом, тер-Маэрэ. Он создавал огоньки, белые, или синие, или разноцветные, как ему хотелось в этот раз, и тут становилось по настоящему волшебю.

– Показушничество, – хмыкнула Мист, поднимаясь, обуваясь и направляя свои стопы к трубе с родниковой водой.

– Он же для себя. Он сюда никого не водил, – недовольно отозвалась Ийилива, очень чувствительная к любой критике своего господина.

– А до бойниц ты меня поднять не можешь? И потом спустить снаружи? – на всякий случай уточнила Мист. Вчера ей это даже в голову не пришло, а сейчас далекие светлые окна казались дорогой на свободу.

– Они узкие, – ответила Ийилива. – Чтобы никаких птиц не залетало. Тебе бы понравилось, чтобы тебе ночью птицы на голову гадили?

– А как же бесконтрольное использование магической силы, которой ничуть не жалко? – не упустила возможность вставить шпильку девушка.

– Ну и чтобы никто чужой снаружи не пробрался. Не только птицы. В общем, башка твоя не пролезет, никак. Я точно знаю.

– Проверяла?

– Он проверял. Однажды, – неохотно признала сильфида.

– Упился, что ли? – с подозрением уточнила Мист. Ийилива ее проигнорировала, что, конечно же, было принято за согласие.

Плескаясь и отфыркиваясь холодной водой, Мист пыталась решить, что делать дальше, к какой двери идти. Ифрит? Гидра? Джинн? Джинн? Гидра? Ифрит?

– В какую комнату мы пойдем дальше? – сильфиде, видимо, надоело молчать, когда Мист начала рыться в своей сумке на предмет какой-нибудь завалившейся еды.

– Великие дела нас ждут, коли до срока не сожрут, а жрать нам хочется всегда.... где там была наша еда? – игнорируя ее, Мист с победоносным видом достала несколько полосок сушеного мяса и яростно вгрызлась в свою добычу.

– Скучные вы существа, люди, занудные.

– Да ну?

– Ну да. Вчера корми, сегодня корми. Наверное, и завтра есть запросишь.

– Не, не запрошу. Сама добуду, – сказала девушка, любовно мусоля совершенно некусаемый кусок. – Жалко, сифиды не питательные.

– Фи, – сообщила ей Ййилива, и ее снова куда-то сдуло.

Закончив импровизированный завтрак, Мист отряхнулась, потянулась и решительно направилась к дверям.

– Ты любишь ифритов? – осведомилась она у своей невидимой и неосязаемой спутницы.

– С чего бы мне их любить?

– А джиннов? Они тоже воздушные создания.

– Думаешь, я люблю все воздушное? А вот нет. Я люблю цветы! Ар-Маэрэ дарил мне цветы, – мечтательно добавила она.

– Какой галантный кавалер, – Мист нажала на ручку и вошла в очередную комнату, полную мелкого мусора и томного сумрака. Видимо, можно было особенно ничего тут не искать, потому что прямо посередине комнаты возвышалась каменная фигура джинна.

– Ой, да, дамский угодник, – немного смущенным тоном сказала Ййилива и захихикала.

– Он правда разбил лютню, когда ему отказала лэри Лоэрринен?

– В пятый раз! – с почти восхищением ответила сифида. – Как можно даже на пятый раз отказать такому красавцу?

– Вот уж не знаю, – фыркнула Мист, обходя, на всякий случай, комнату. – Не видела я его, – или видела, все таки? Это ар-Маэрэ ли виделся ей сегодня всю ночь напролет?

– Но потом он еще лютни бил. Ты не думай, что из-за нее одной.

– Значит, и вправду раздражительный и невоздержанный, – подытожила Мист, пиная ногой какие-то обломки в сторону от статуи. – Забирайся на меня, а то я одна провалюсь в неведомые дали.

– Как же ты без меня, – проворковала сифида и тут же скользнула по ее лицу, свернулась на шее невидимым шарфом.

Мист собралась с мыслями и коснулась каменного джинна рукой.

Мир мигнул, резко сменив освещение, и прохладный ветер с нотками тепла ударил ей в лицо, смешивая ощущения и мешая чувствовать сифиду.

– Ййилива? Ты тут? – спросила Мист, повышая голос, чтобы перекрыть свист ветра.

– Тут! Не бойся, тер-Маэрэ, не унесет меня. Я сама какой угодно ветер создам.

– Примерно, как я и думала, – кивнула Мист, оглядываясь. Она стояла на небольшой круглой площадке, парящей в воздухе среди идиллистических кучевых облаков, и от нее в три стороны расходились узенькие мостки над бесконечной бело-голубой бездной. – И куда нам идти? Тут явно не моя стихия, дым и пепел.

– Не знаю, – отозвалась Ййилива. – Но зато моя.

– Тогда почему ты не знаешь?

– Потому что мы, наверное ищем джинна, так?

– Ну, да. Предположительно. Базируясь на предыдущих эмпирических данных.

– Эмпи... чего? Да ну тебя. В общем, тер-Маэрэ, тут джинны во все стороны, куда не пойдешь. Не ошибешься.

Мист озабоченно потерла лоб.

– Ладно же. Пойдем в любую сторону, а хоть и сразу во все. Но тут уж основная часть ответственности ляжет на тебя.

– Это почему?

– Потому что я не могу, может, справиться с джиннами, но зато ты, раз уж ты “какой угодно ветер создашь”, одолеешь любого запросто.

– Это как?

– Дунешь посильнее в противофазе их вращению, и дело – дым, – охотно объяснила Мист. Не то, чтобы она была полностью уверена в этом методе, но она читала в одном из апокрифов “Радуги” сказку о кладе, который охранял джинн.

Ийилива некоторое время молчала. Если она могла смотреть, то, Мист была уверена, пристально изучала ее саму на предмет нормальности и адекватности.

– И ты уверена, что все так просто?

– Скажем так... это мое лучшее предположение. А о худших тебе лучше не знать. Попробуешь?

– Ладно. Но если не сработает, и тебя убьют, потом мне не жалуйся.

– Я очень, очень постараюсь, – честно пообещала Мист. – А теперь пойдем, и будь наготове.

– Пфффф, – засвистела дыханием ветра Ийилива. – Да я их чувствую, не переживай.

– Кажется, джиннов ты совсем не боишься, хоть они и могут тебя коснуться. А вот мантихора боялась, почему-то, хотя что он тебе сделает?

– Да уж прям таки и коснуться, – возмутилась Ийилива. – Так я и позволила всяким безмозглым сгусткам протоплазмы и воздушного тока себя трогать.

– То есть, ты понимаешь, как они устроены, поэтому не боишься? – резюмировала Мист, осторожно двигаясь по узкому мостку без перил и стараясь не смотреть вниз. Впрочем, вверх тоже лучше было не смотреть – голова кружилась от бесконечных просторов синего и белого.

– Они – тоже воздух, – немного снисходительно объяснила сильфида. – Только не имеющий своего сознания. Что мне их бояться?

– Если у них нет сознания, то откуда все ж таки легенды про исполняющих желания джиннов и все такое? – поинтересовалась девушка. Ей были страстно, безумно нужны перила, но взять их было неоткуда.

– Сознания нет, но приказы-то они могут исполнять того, кто вызвал, – наставительно сказала Ийилива. – Наверное, кто-то из магов так пошутил. Использовал джинна, чтобы помочь голову какому-нибудь идиоту.

– Эх ты ласково, – ухмыльнулась Мист, хотя ей было не до шуток и не до смеха. Голубая и белая бездна с обеих сторон засасывала, стоило только кинуть на нее взгляд, начинала кружиться голова, и больше всего хотелось лечь и пробираться по узкому мостику ползком.

“Главное, чтобы ветер не дунул сильнее, а то меня унесет”, – нервно подумала Мист. Впереди замаячил круглый островок, похожий на тот, с которого они начали свой путь. Мист заторопилась было туда, но заметила слабое мерцание воздуха там, впереди, и сказала. – Ийилива...лети-ка вперед, а? Там явно что-то зреет, скорее всего – джинн.

– Это ты как догадалась? – спросила Ийилива где-то у нее над ухом.

– Там мерцает воздух, если посмотреть боковым зрением. По приметам, так распознаются иллюзии, – пояснила девушка несколько смущенно. Это была верная примета, подземная, годная, прежде всего, для определения маскировок подземных обитателей. В свое время Мист очень удивилась, когда в “Радуге” один из героев внезапно использовал ее для определения вражеской иллюзии. Ради разнообразия, это был даже не вездесущий ар-Маэрэ.

– Как интересно! В любом случае, я не могу полететь вперед. Тебя шатает, и ты полетишь не вперед, а вниз, если я перестану тебя поддерживать и защищать от ветра.

Мист удивленно промолчала. Ветра она, действительно, толком не чувствовала, хоть он и свистел вокруг, пока она была на первой площадке, а сейчас только легкие дуновения касались ее, сопровождая.

– А ар-Маэрэ говорил, что в лабиринте всегда идет налево, – тут же живо прокомментировала Ийилива.

– Это почему?

– Потому что его “дело не правое”, – процитировала сильфида с некоторой задумчивостью. – Интересно, почему?

– Шутка такая, – объяснила Мист. – А я иду средним путем, потому что путь к волшебству лежит между правдой и ложью.

– Поэтично, – похвалила Ийилива. – И очень хорошо, что ты не ползешь сейчас, а идешь, потому что в сочетании с пафосом это было бы ужасненько как смешно!

– Дым и пепел! Ты зачем напомнила? – проскулила Мист, с трудом удерживаясь от того, чтобы не опуститься снова на четвереньки.

– Да держу я тебя, держу! Не трусь! – подбодрила ее сильфида. – Иди давай спокойно! – и подтолкнула мягко в спину.

– Аааа! – закричала Мист и, пытаясь поддержать баланс, побежала вперед, пригнувшись.

Повезло или Ийилива помогла, но Мист никуда не упала, ни вправо, ни влево, и на большой скорости влетела на следующую площадку, прямо в нарастающее мерцание.

– Ийилива, давай, давай, вали его! – заверещала девушка, падая ничком на каменную плиту пола.

– У-у-и-ф-ф! – взвизгнул воздух над ней, и Мист вжалась носом в пол, закрывая голову руками. Почему-то было страшно даже смотреть, поэтому Мист продолжала прикидываться падалью до тех пор, пока все звуки не стихли и колебания воздуха вокруг не вошли в прежний спокойный ритм вместо ревущего яростного шторма. Тишина и отсутствие злобного ветра были явным намеком на то, что внимание Ийиливы снова обратилось к Мист, оберегая ее от неблагоприятных природных явлений. Мист осторожно приподняла голову и на крошечную щелочку приоткрыла глаза.

– Не волнуйся, злой страшный джинн уже ушел, – сообщила Ийилива у нее с заливкой. – Только игрушечку нам на память оставил. – И вправду, перед самым носом Мист лежала маленькая, словно кукольная золотистая шкатулка.

– Э...а камень где? – умно уточнила Мист, поднимаясь и садясь на задницу.

– С платформы ничего не падало, – оправдалась Ийилива. – Он просто втянулся не сам в себя, а в шкатулку. Может, это какая-то другая разновидность?

– Видимо, – Мист покрутила шкатулку так и эдак. – Джинн в шкатулке? – она легонько приоткрыла шкатулку, чтобы заглянуть в щель, но оттуда сразу раздался свист воздуха, и Мист спешно захлопнула ее обратно. – А говорят, магии и нет никакой в Эквеллоре. А мы с тобой ее половниками хряпаем, только успевай глотать. Была бы она еще питательной, вообще бы горя не знали.

– Это ты просто не знаешь нужных заклинаний, – мягко фыркнула Ийилива. – вот ар-Маэрэ магия и согревала, и кормила, и все, что угодно.

– Куда уж мне уж до великого, – отозвалась девушка и поднялась на ноги. Шкатулку она положила в карман и решительно зашагала дальше, по следующему мостику.

– Опять в средний? – с явно слышимой насмешкой спросила сильфида.

– А что коней на переправе менять? Пока не пойдем, как все тут устроено, будем идти в самой, что ни на есть, середине. В гуще событий, так сказать, – Мист старалась шагать уверенней, словно ей не было так уж страшно. Впрочем, пока на шла, равновесие худо бедно соблюдалось, а вот стоило притормозить, как тут же начинала зверски кружиться голова, и бело-голубая бездна вокруг притягивала взгляд и противоестественно манила к себе. Никакого стремления к смерти за собой Мист никогда не замечала, она, наоборот, всегда собиралась жить долго и счастливо и умереть в один день, но этот день намеревалась отложить на как можно более отдаленный срок, поэтому магнетизм открытого неба вокруг приписывала злым

силам и вражеской магии, конечно. Разве не мог ар-Маэрэ зачаровать и воздух вокруг? Мог, конечно! А в том, что его сомнительные магические артефакты все еще сохраняли свою силу каким-то образом, она уже более, чем убедилась. Иначе все это было странным сном.

Хотя, хорошо бы это было сном! Хорошо бы взять и проснуться, хоть в Университете, хоть дома, да хоть и в предгорьях недалеко отсюда, только бы все было ясно и понятно, и Торрен бы лезвие меча правил бы, а Вейларис затачивал остатки провизии, и эр-Эландиль неодобрительно косился бы на них, думая, что никто не видит.

– Задумалась? – вырвала Мист из мыслей сильфида.

– О своих спутниках. Не могу не думать, что с ними, и кто, все таки, остался жив, и как вообще и что там случилось. Все было довольно мирно, пока мы поднимались.

– Может, за вами кто-то следил? – разумно предположила Ийилива.

– Следил-то точно, только он того. Почил.

– Если один следил, мог быть и второй. Вот дождались, пока вы найдете башню, и напали?

– Наверное, – Мист нахмурилась, думая, кто же это мог быть: все те же дознаватели? Или конкуренты ее знакомых копателей? – Там, впереди, что-то большое.

– Похоже на джинна. Только его слишком хорошо видно.

– Ты, это, готовься на всякий случай.

– Я всегда готова, – гордо отозвалась сильфида.

Но ее готовность на этот раз не понадобилась. На платформе действительно был джинн, но это была каменная статуя, такая же, как в комнате башни, только у нее были отбиты или отколоты отдельные детали.

– А вот и главный кусок, – заключила Мист, прилаживая первый найденный осколок к обломку руки каменного джинна. Он не подходил, что заставило Мист недоуменно почесать нос.

– Да к другой приложи, дубина, – ласково посоветовала ее спутница.

Мист погрозила камнем воздуху и ей, и приложила его с другой стороны: запястье каменного джинна с широким браслетом встало на свое место, как влитое, и трещина между кусками камня моментально стянулась, словно ее и не было.

– Добро, магия... восторг, – пробормотала девушка и на всякий случай подергала новую деталь статуи, но она словно и не отламывалась. – Дым и пепел, но как же так? Нету же никакой магии больше в Эквеллоре!

– В Эквеллоре, может, и нет, но мой господин, ар-Маэрэ, всегда был сильнее любых законов и проклятий. Никакой “святой Мамайрил” с ним бы не справился.

– Святой Амайрил, – поправила Мист, морща лоб в глубоких раздумьях. – Я вижу, что тут не хватает, наверное, шести кусков? Отбиты оба уха, нос, еще одно запястье и обе ладони.

– Похоже на то, – согласилась сильфида. – Дальше снова пойдем по средней? Только с этой площадки больше выходов.

– М-да, – неопределенно подтвердила Мист. – Не будем пугать свою удачу дымом и пеплом, пойдем, как шли. Не бесконечная же тут система? А, если соберем все по этой линии, легко вернемся.

– Тебе виднее, – согласилась Ийилива. – У тебя голова с глазами есть! А мое дело маленькое – спасти ее от больших злых джиннов.

– А кто тут вчера мантихора до истерики боялся? – отмахнулась Мист, обошла статую и двинулась по среднему мостику дальше.

К следующему джинну Мист была готова, и на этот раз все даже прошло в точности по изначально намеченному плану. За два шага до площадки, когда неопределенное мерцание стало оформляться в полупрозрачную размытую фигуру, Ийилива отпустила Мист и дуновением воздуха рванула вперед. Девушка, готовая на сей раз морально и физически к атаке местных злых ветров, устояла на ногах и продолжила движение по мостику, немного пригибаясь и

наблюдая за тем, как джинна закрутило в маленьком торнадо, очертания его тела стали оплывать, таять, пока он не исчез совсем. А на месте, где он только что был, остался новый кусок статуи.

– Ура! Ухо, – обрадовалась девушка, подбирая его с пола. – Красивое какое, острое.

Ийилива засмеялась своим колокольчиковым смехом, обвивая спутницу воздушным током.

– У нас теперь одноухий джинн, – сказала она, выделявая вокруг Мист какие-то пляски, судя по колыханиям ветерка. – Одноухий и безносый. И полу-недо-однорукий!

– Станем дальше чинить инвалида, – хмыкнула девушка и, убирая ухо в другой карман, двинулась дальше. – Смотри-ка, на этот раз у нас все получилось очень даже хорошо! Я даже удивилась. А ты молодец просто.

– Практика! – ответила донельзя довольная сильфида. Кажется, она даже немного гудела от удовольствия.

К следующему островку новоявленная тер-Маэрэ и ее спутница шли еще более уверенно, практически ничего не боясь. Ийилива называла это опытом, а Мист – что они “наблатыкались”.

– Что за дела, опять шкатулка, – озадаченно сказала девушка, подбирая оставленную павшим джинном шкатулку. – Я правильно понимаю, что джинн там, внутри?

– А где ему еще быть, – выдохнула Ийилива. – Джиннов осталось не так много. Получается, изначально тут некоторые “пустышки”?..

– Шкатулка с джинном – это не такая уж и пустышка, – не согласилась Мист. – На что-то да пригодится.

– Ты очень хозяйственная, – похвалила ее сильфида. – А ар-Маэрэ все ломал.

– Я из Подземелий, – пожалала плечами девушка, запихивая шкатулку в еще один карман. – Там все ресурсы наперечет, особенно с тех пор, как с магией стало туго. Выкручиваемся, выворачиваемся. Ничего не пропадает зря, даже дурацкие шкатулки с джиннами, – пошутила она. – Может, в следующем будет что-то из того, что нам надо.

Но когда они пришли на площадку, с которой, как с первой, было всего три выхода вместо четырех, и Ийилива уже привычно и даже немного небрежно расправилась с джинном-стражем, фактически на фазе материализации, они снова получили не деталь своего каменного конструктора, а еще одну шкатулку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.